

Враг будет разбит, победа
будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения
можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

26 июля 2023 г.

№ 544

Продолжаем начатую в № 541 газеты публикацию статей из сборника «Украинство»

Друзья, с этого номера и до № 550 (это первая декада сентября) в газете «Суть времени» будут выходить только статьи из монографии «Украинство». Поскольку если публиковать их наряду с другими материалами, то знакомство с проблемой — а так называемое «украинство» сейчас важнейшая проблема — растянется на полгода. Так что ближайшие полтора месяца редакция предполагает посвятить углубленному освоению «Украинства». Программы Сергея Кургиняна можно смотреть на видео-канале «Красной весны» (выходят еженедельно по вторникам) и там же, на КВ, знакомиться со статьями наших авторов и актуальными новостями.

Редакция газеты «Суть времени»

Сконструировав украинство, австро-польские экспериментаторы создали антирусских русских, находящихся в тесных связях с европейцами, ненавидящих «москалей» и готовых на любые зверства для уничтожения своих врагов

Андрей Берсенев
Ольга Максимова

Галицкие русины под скипетром Габсбургов

Исторические земли Восточной Галиции, Закарпатья и Северной Буковины составляют сегодня западные области Украины. Но долгое время эти территории входили в состав Австрийской империи Габсбургов, позднее преобразованной в Австро-Венгерскую империю. К XX веку жители именно этих земель стали наиболее радикальными носителями «украинства». Рассмотрим внимательно, какую политику проводили Габсбурги на этих землях и какова была историческая почва, подготовившая данную радикализацию.

Австро-венгерская Галиция возникла в 1772 году во время первого раздела Польши между Пруссией, Российской империей и Австрией. Часть эта при разделе досталась Австрии, хотя на то не было никаких исторических оснований.

Галиция была исторической древнерусской территорией.

Прямые потомки Ярослава Мудрого, его сына Владимира и внука Ростислава удерживали за собой с X века галицкие земли. В ходе междоусобиц данные территории входили в состав разных княжеств, но делили между собой их именно Рюриковичи.

В XII веке перемышльский князь Владимир Володаревич объединил юго-западные русские земли и основал единое Галицкое княжество. При его сыне, Ярославе Осмо-

мысле, Галицкое княжество пережило свой расцвет. Однако сын Осмомысла стал последним представителем Галицкой династии.

Наконец, в 1199 году Роман Мстиславович — праправнук Владимира Мономаха, — объединив галицкие и волынские земли, основал еще более крупное Галицко-Волынское княжество. Это княжество со столицами в Галиче, Холме и Львове существовало вплоть до XIV века.

Таким образом, с древнейших времен и до середины XIV века галицкие земли были русскими. Правда, в XII веке на два года — в 1188–1189 годах — их захватили венгры. Дело было в том, что галичане изгнали своего князя Владимира Ярославича. Тот обратился за помощью к венгерскому королю Беле III. Бела вместо помощи отдал Галич своему малолетнему сыну Андрашу II. Но чинимые венграми безобразия — обиды женам и девицам, осквернение часовен и т. д. — быстро привели к восстанию и возвращению на престол Владимира Ярославича. Однако с тех пор венгерские короли без каких-либо на то оснований титуловали себя на латинский лад королями Галиции (rex Galicie).

После падения Галицко-Волынского княжества галицкие земли отошли к Польше. Вскоре поляки переименовывают их

Продолжение на стр. 2

Рисунок с картины Сергея Васильковского «Посполитый казак». 1900

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1

в Русское воеводство. Польская шляхта жестоко притесняла местное население. А в 1596 году православные галицких земель были вынуждены заключить унию с Римом.

То, что при разделе Польши в 1772 году галицкие земли достались Австрии, то есть немцам, не имело никаких исторических оснований и являлось чисто политической уступкой. Уступка эта была продиктована необходимостью в то время для России и Пруссии заключить союз с Австрией. Как отмечал историк В. О. Ключевский, «рассказывали, что при первом разделе Екатерина [III] плакала об этой уступке; 21 год спустя, при втором разделе, она спокойно говорила, что «со временем надобно выменять у императора Галицию, она ему нехотата»; однако Галиция осталась за Австрией и после третьего раздела».

Здесь нужно сказать несколько слов о тогдашней Австрии и ее монархической династии — доме Габсбургов.

Зенит могущества Габсбургов приходился на середину XVI века, когда император Священной Римской империи германской нации Карл V объединил под своей властью больше половины территорий современной Западной Европы. Но уже к XVII веку Габсбурги потеряли свою былую мощь.

Мария Терезия, дочь последнего представителя собственно Габсбургской династии, Карла VI, в 1736 году вышла замуж за герцога лотарингского Франца Стефана. Именно Габсбург-Лотарингский дом сумел построить к 1804 году последний оплот Габсбургов — Австрийскую империю. Галиция стала важным элементом в ее структуре.

Надо сказать, что полное отсутствие прав на полученные русские территории Габсбурги прекрасно понимали. Во время первого раздела Польши Мария Терезия писала своему сыну Иосифу II: «Я не понимаю политики, которая позволяет в случае, когда двое используют свое превосходство (имеется в виду прусский король Фридрих II и российская императрица Екатерина II. — Авт.), чтобы угнетать невинного (Речь Посполитую. — Авт.), что третий (Австрия. — Авт.) может и должен подражать и совершать ту же несправедливость в качестве чистой меры предосторожности на будущее и удобства в настоящее время».

Моральные страдания за судьбу Польши не помешали Марии Терезии за получить самый большой кусок при ее разделе — больше, чем достались Пруссии и России. После того как австрийский посол объявил о землях, переходящих к Австрии, Фридрих II воскликнул: «Черт возьми, господа! У вас, я вижу, отличный аппетит: ваша доля столь же велика, как моя и русская вместе...» О попутных переживаниях же Марии Терезии за поляков Фридрих II со свойственной ему прусской прямоотой писал: «Чем больше она плачет, тем больше она берет».

Полученные земли Габсбурги назвали «Королевством Галиции и Лодомерии». Уже в названии была скрыта попытка обосновать права Австрии на эти земли. Ведь глава Габсбургов носил помимо прочего титул короля Венгерского, а венгерские короли титуловали себя «королями Галиции». Титул этот, как мы помним, они себе взяли после двухлетнего бесчинства венгров в XII веке на галицких землях. При этом Польша получила данные территории только в XIV веке. Стало быть, следуя этой логике, Габсбурги, отняв Галицию у Польши, чуть ли не восстанавливали историческую справедливость.

Примечательно, что при этом возникшую вскоре идею присоединить Галицию к Венгрии, входившей в состав Австрийской империи, Иосиф II отменил на корню, назвав ее в переписке с матерью Марией Терезией «абсурдной и даже вредной». Венгрия бы-

ла и так чересчур крупным образованием, и Габсбурги боялись ее усиления.

Отношение Габсбургов к новоприобретенным землям точно раскрывается в письме Иосифа II, написанном им во время его первого визита в Галицию своему брату Леопольду во Флоренцию: «Итак, я здесь, среди сарматов». При этом для тогдашней просвещенной Европы слово «сарматы» ассоциировалось с «варварством», азиатчиной, с далекими полуполюгендарными землями Скифии. Гордость польской шляхты своим «сарматским» происхождением в австрийцах понимания отнюдь не встречала...

Габсбургская монархия на первом этапе своего присутствия в Галиции пыталась создать галицийскую идентичность как «идеологическую *tabula rasa*». Однако эти планы наталкивались на резкое противодействие польской шляхты, мечтавшей о воссоздании Речи Посполитой.

На первом этапе Габсбурги надеялись ассимилировать поляков, включив их в гравитационное поле немецкого мира и создав таким образом эту самую новую галицийскую идентичность. Задача ассимиляции стала особенно важной, когда после третьего раздела Польши Австрия приобрела исконно польскую (а не русскую) территорию — Малую Польшу (с центром в Кракове). Малая Польша также была включена в Галицию, хотя исторически вообще не имела к галицким землям никаких отношений. Поляки же после присоединения к Галиции Малой Польши стали считать Галицию последним прибежищем польской культуры в отсутствие польского государства.

1780-е годы были отмечены в Австрии крупными реформами, затеянными Иосифом II в духе просвещенного абсолютизма: административная централизация, введение религиозной терпимости, ослабление цензуры, частичная отмена крепостного права, уменьшение дворянских привилегий.

Отметим сразу, что крепостное право в Галиции было гораздо более тяжелым, чем в России. Так, барщина там достигала 312 дней в году. Таким образом, крепостным крестьянам оставалось всего 50 дней для того, чтобы обеспечить себя едой и одеждой на целый год. «Это было чем-то очень обычным, когда людей (крестьян. — Авт.) оставляли лежать мертвыми под кнутом», — писал очевидец тогдашних нравов. Крайняя нищета региона вошла в поговорку: землю шуточно называли «Королевство Голиции и Голодомерии» — от слов «голь» и «голод».

При всем том австрийцы противопоставляли варварство прежней Галиции под властью Польши просвещению и цивилизации, якобы привносимым Веней. Так, официальный пропагандист реформ Иосифа II Франц Краттер призывал Галицию «навсегда отучиться от постыдных пороков польской нации, которые подрывают нравы, здоровье и богатство».

С этой пропагандой был связан и значительный приток немецких переселенцев в Галицию в тот период. Австрийские немцы были католиками, приезжающие же немцы — протестантами. Поток протестантов в Галицию еще более увеличился после провозглашения Иосифом II в 1781 году религиозной терпимости. Кроме того, немецкие колонисты в Галиции освобождались от военной службы и пользовались большими налоговыми льготами.

Еще один венский пропагандист Альфонс Транпаур восхвалял в своем анонимном памфлете Галицию как «новое Перу». А вышеупомянутый Краттер называл ее «землей обетованной»: «Бог показал Моисею землю обетованную только издали... но меня Он провел по ней до конца».

В рамках политики религиозной терпимости, получившей название «иосифизма» по имени императора Иосифа, ряд преференций был дан и униатам. Надо сказать, что еще императрица Мария Терезия вве-

ла официальный термин «грекокатолики», чтобы подчеркнуть равенство католиков и униатов. При Иосифе II же, пусть и формально, униатская церковь получила равный статус с католической. Данная мера сильно ограничила власть поляков над униатской церковью, которую они с момента учреждения унии считали своей вотчиной.

Политика просвещенного абсолютизма, ограничившего дворянские привилегии, вызвала серьезное сопротивление в провинциях. Наиболее крупный протест нарастал в Венгрии — самой большой провинции монархии, где проживало немалое население, активно сопротивлявшееся централизации.

В 1790 году к власти пришел новый император Австрии Леопольд II. Во Франции в этот момент была в разгаре Великая французская революция. Тогда польская шляхта впервые «показала зубы»: в том же 1790 году в Вене появился анонимный документ, получивший название «Великой хартии вольностей Галиции». Хартия требовала уважать права дворянства, дорожить его чувством чести. Политика же уравнивания сословий Иосифа II в документе сравнивалась с турецкой деспотией.

Отметим, что польская шляхта в силу сословной спеси — рыцарского «сарматского» происхождения и пр. — считала себя выше не только своих крестьян, но даже и немецких колонистов-протестантов.

Ответ авторам «Хартии» дал помощник львовского губернатора, тайный советник императора Эрнст Кортум. Кортум прекрасно видел уязвимость польской шляхетской спеси и атаковал поляков с этой стороны: «Вы ждете какого-нибудь Мессию, который освободит вас от власти язычников, то есть немцев».

Кортум оспаривает право поляков говорить от имени всей Галиции: «Неужели

польский язык действительно является настоящим национальным языком Галиции? Являются ли польская нация или польское дворянство исконными жителями этой земли?» Кортум, оппонировав полякам, утверждает, что около 1320 года «первые польские колонисты прибыли в эти земли из Мазовии». Спустя четверть века польский король Казимир Великий, отмечает Кортум, «присоединил земли к короне, одалжил польскую знать властями русскими бояр (reufsifchen Wojaden) и привел в страну еще больше польских переселенцев». Кортум называет русских (reufsifchen) местными автохтонами. Он специально оговаривает, что русские до сих пор являются преобладающим населением в провинции, что они сохранили «греческую религию (униатство. — Авт.), русские нравы и язык».

Оговорив всё это, Кортум заявляет, что поляки в Галиции такие же захватчики, как и немцы: «Вы не менее чужие в Галиции, чем немцы. Вы пришли в эту страну чужеземцами, и за долгое время забыли о своем происхождении». А на требования «Хартии» ввести на всей территории Галиции польский язык в качестве галицийского национального он отвечал: «Вы не можете претендовать на то, что польский когда-либо был национальным языком Галиции».

По мнению Кортума, Габсбурги принесли в Галицию цивилизацию, которую он противопоставлял польскому варварству: «Представьте на мгновение всех немецких жителей, покинувших Польшу и Галицию, с их трудолюбием и деловитостью, а затем представьте себе образ этих земель. Можно ли найти какой-либо другой аналог, кроме Тартарии (Tartarey)?» Отметим, что под Тартарией европейцы того времени подразумевали

Жан-Пьер Норблен де ла Гурден. Польский шляхтич. 1817

ВОЙНА ИДЕЙ

азиатские земли диких варваров на востоке, то есть прежде всего в России.

Следующее сравнение Кортума галицийского крестьянства с туземцами показывает реальное отношение «цивилизаторов»-Габсбургов к своим вассалам. Кортум заявляет, что император Иосиф II «дал или хотел дать» русскому крестьянину собственность и свободу, чем «сформировал прекрасный идеал в душе галицийского илота». Однако, сокрушается Кортум, «илот» не оценил дара: «Но точно так же, как дикарь в южных морях с удивлением смотрит на европейский корабль, так и галицийский крестьянин смотрел на подарок, который сделал его благодетельный монарх».

Тезисы Кортума об отсутствии у шляхты прав на Галицию звучали несколько голословно. Нужна была полноценная историческая концепция, которая обосновала бы права Габсбургов на эти земли и опровергла бы наличие таких прав у поляков.

Созданием такой концепции занялся Иоганн Кристиан фон Энгель, опубликовавший в 90-х годах XVIII века две работы: «История Галича и Владимира» (1792 год) и «История Украины и украинских казаков» (1796 год). Последняя была издана в 48-м томе «Истории мира», написанной группой немецких и английских историков. В этот же том вошло и доработанное второе издание «Истории Галича и Владимира», вышедшее под заголовком «История Галиции и Лодомерии». Задача этих сочинений была в развенчании претензий шляхты на земли Галиции. Одновременно работа развенчивала отнюдь не менее опасные для австрийцев претензии Российской империи.

Энгель в предисловии ко второму изданию «Истории Галича и Владимира» прозрачно пояснял причины своих исторических изысканий: «Кто же не испугается, когда русский генерал Тутомлин поясняет в своем универсале от 18 июля 1795 года по поводу занятия Холма, Белзы и Луцка, что они являются частями древнего Русского государства? <...> А что было бы, если бы российский кабинету вздумалось утверждать, что Галиция есть собственно русская провинция, потому что там тоже когда-то правили родственники и потомки киевских великих князей?»

Известный исследователь феномена украинства Пол Роберт Магочи писал об Энгеле: «Молодой Энгель... был верным слугой Габсбургов. Его история Галиции представляла австрийскую, или, точнее сказать, имперскую австро-венгерскую интерпретацию прошлого этого региона».

В «Истории Галича и Владимира» Энгель конструирует исторический миф о том, что Галицкое княжество было создано на окраине владений Арпадов (венгерской династии) специально для князя Бориса Калмановича. «Галич возникает с 1123 по 1127 год, в его князья возведен венгерский князь Борис», — заявляет Энгель.

Энгель утверждал, что Галиция естественным образом была частью Венгрии, и что она была лишь временно отделена от нее. Точка зрения Энгеля стала официальной научной точкой зрения не только в Габсбургской монархии, но и повсеместно в Европе. Развенчана основательно и научно она была только спустя десятилетия в работах русинских авторов Якова Головацкого и Дениса Зубрицкого, показавших, что Галич входил в состав Древней Руси с центром в Киеве.

Вышеупомянутый Борис никогда не был ни галицким правителем, ни даже венгерским принцем (он был лишь неудачным претендентом на венгерский престол). Сведения же о русском происхождении Галича Энгель мог бы почерпнуть из известной ему «Истории Польши» Яна Длугоша. Однако Энгель, действуя в угоду Габсбур-

гам, предпочел сослаться на «Великопольскую хронику», в которой история Галича описана туманно и с явными ошибками. В России же, благодаря летописям (в том числе Ипатьевской), всегда знали, что Галич был русским городом, и хорошо знали его историю. Но в те времена русская точка зрения не была слышна в Европе.

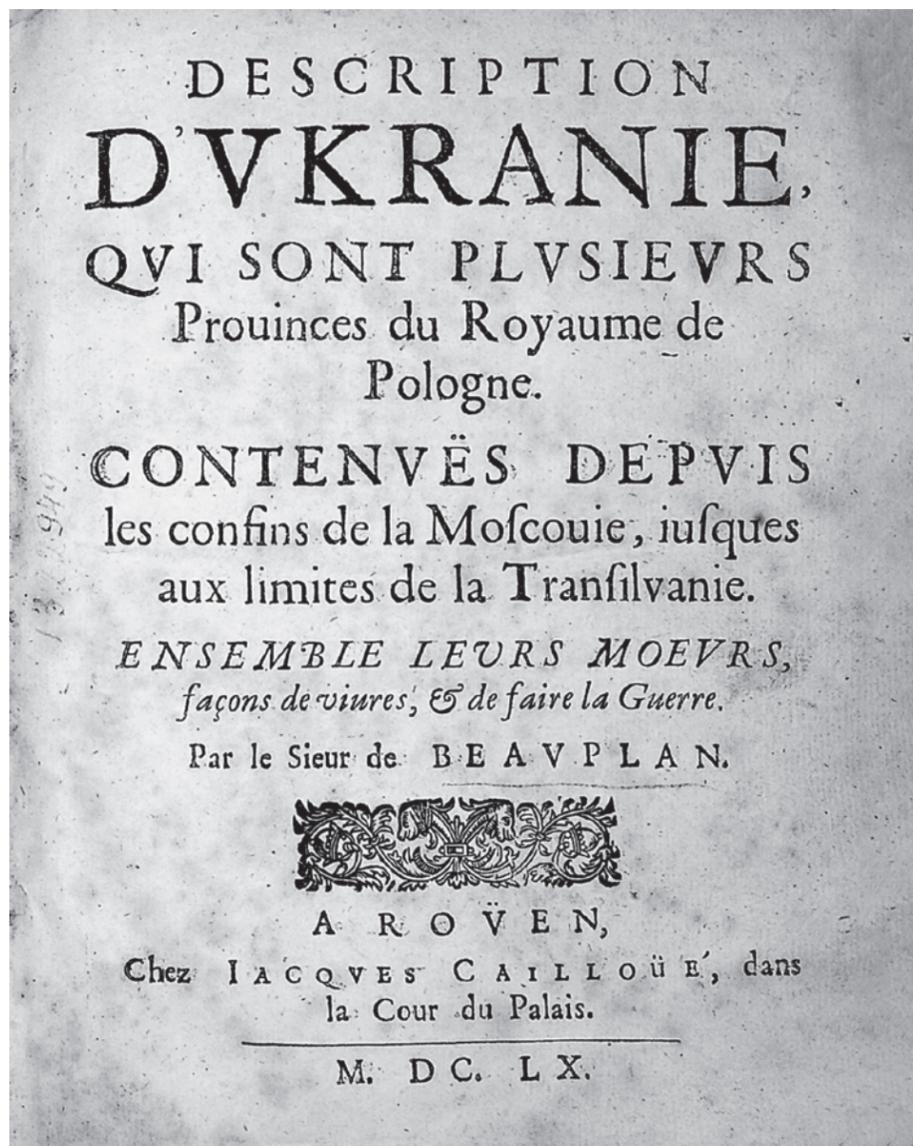
В работах Энгеля впервые начинают проступать контуры будущего конструкта «Украина — анти-Россия». При этом сам Энгель основывался на книге французского инженера Гийома Левассера де Боплана, служившего при дворе польского короля. Первое издание труда Боплана 1651 года носило название «Описание окраин (contrées) Польского королевства». В данном издании использовалось также слово «Окраніе» и пояснялось, что это «большое пограничье (lisière)» между Московией и Трансильванией. Второе издание 1660 года получило уже название «Описание Украины, которая является несколькими провинциями Польского королевства». Слово «Окраніе» в нем было заменено на «Украніе», однако эта «Украніе», по Боплану, представляла из себя «несколько провинций Польского королевства». Добавим, что на картах, составленных тем же Бопланом, слово «Украина» тоже фигурировало: на карте 1639 года значилось «Украинская географическая карта» (Tabula geographica Ukrainica), а на карте 1648 года — «Общее описание пустынных земель, в просторечьи именуемых Украинной...» (Delineatio generalis samrogum desertorum vulgo Ukraina...). Украинские националисты ссылаются тем не менее на Боплана, как на первого, кто упоминал в западных источниках Украину как политическое образование. То, что по Боплану «Украина» — это пустынные окраинные территории Польши, они предпочитают не указывать...

Добавим, кстати, что француз Боплан взял понятие «Украина» у поляков, которые в ту эпоху иногда употребляли его в значении окраинных земель Польши. К концу XVI века относятся крайне немногочисленные письменные упоминания слова «Украина», используемого для обозначения территории. Первым таким упоминанием считается письмо 1585 года виленского камергера Радошовского, в котором использовалось выражение «Подольская Украина» (Ukraina Podolska). А военный договор 1590 года поляков с казаками носил название «Устав с низовцами и Украинной» («Porządek z strony Nizowców i Ukrainy») (под «низовцами» подразумевались запорожские казаки).

Отметим также, что изображение «Украины» впервые появляется на карте Радзивиллов, опубликованной в Амстердаме в 1613 году. На этой карте рядом с «внутренней Вольной» («Wolnia citerior») изображена «внешняя Вольня, которая уже Украинной или Низом называется» («Wolnia ulterior, quae tum Ukraina tum Nis ab aliis vocatur») Здесь под Низом вновь подразумевается территория запорожских казаков. На карте Радзивиллов «Wolnia ulterior» представляет собой небольшую территорию на правом берегу Днепра в окрестностях Киева.

Но вернемся к Энгелю, который, повторим, в своих построениях опирался в том числе на Боплана.

Украина, по Энгелю, — это территория казаков, являющихся отдельной нацией. Для Энгеля, как и для его предшественника Боплана, украинцы тождественны казакам. Современные украинизаторы превозносят Энгеля как одного из первых европейцев, признавших существование Украины и вообще использующих это слово «Украина». Но — досадный факт для современных украински идеологов — Энгель называет русскими... и украинцев, и москалей. И еще один неприятный факт, о котором также умалчивает современная украинская историография, состоит в том,

«Описание Украины, которая является некоторыми провинциями Королевства Польши. Простирается от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании». 1660

что для Энгеля понятие «Украина» имеет чисто географическое происхождение: «О ней (об этой стране. — Авт.) говорили, что она расположена на границе, на окраине (U Krajne — значит в оригинале. — Авт.), отсюда и возникло название», — пишет Энгель.

Обсудив эти фундаментальные для украинского проекта исторические труды, вернемся к политике Габсбургов в Галиции в конце XVIII — начале XIX века.

Декларированная императором Иосифом II религиозная терпимость в Галиции была гарантирована немцам, но далеко не всегда — полякам. Так, польская шляхта называла Богородицу истинной королевой Польши, существовал соответствующий культ, следуя которому шляхта молилась такой Богородице-королеве. Однако Габсбурги строго-настрого запретили это отождествление. Был издан специальный указ, запрещавший не только молиться за Святую Деву — королеву Польши, но даже называть ее так. Фраза молитвы «Королева Польши молится за нас» была официально заменена на «Королева Галиции и Лодомерии молится за нас».

После неудачного восстания Костюшко Пруссия, Россия и Австрия в 1795 году в третий, последний, раз поделили Польшу. При этом каждая сторона обязалась не упоминать о своих претензиях на Королевство Польское, само название Польши оказывалось под запретом: «Стороны договорились и обязуются никогда не включать в свои титулы... название или обозначение Королевства Польского, которое с настоящего момента не должно существовать».

В 1806 году новый император Франц I учредил в Галиции грекокатолическую митрополию. Надо сказать, что последняя мера явно преследовала цель отрыва русин Галиции от других русских — прежде всего, проживавших на территории Российской империи.

Весьма примечательно, что еще в 1773 году, сразу после вхождения Гали-

ции в состав Габсбургской монархии, епископ Львовский Лев Шептицкий (из рода Шептицких, к которому принадлежал и один из главных украинизаторов митрополит Андрей Шептицкий) предлагал создать на этих землях митрополию. В своем письме к австрийскому императору Лев Шептицкий фактически побуждал начать новый крестовый поход на Русь. Галицкая грекокатолическая митрополия должна была, согласно его предложению, стимулировать распространение униатства по ту сторону границы на территорию Малороссии, что позволило бы начать новый этап борьбы со «схизматиками».

Итогом такой политики Шептицкий видел создание (он называл это «воссозданием») единой униатской «Русской митрополии», она же «Киевская митрополия», которая бы объединила «Вольню, Украинну и Литву». Иными словами, Шептицкий предлагал распространить униатство на территорию всего бывшего Великого княжества Литовского — а так широко уния по факту никогда не распространялась. Далее, мечтал Шептицкий, униатский митрополит объединит под своей властью и Галицкую, и Киевскую митрополию и станет «митрополитом с титулом Киевский и Галицкий».

Шептицкий говорил о прямой заинтересованности Габсбургов в таком сценарии, поскольку они получают «политическую поддержку той части Украины», которая принадлежала Российской империи. То есть намекал на возможность в будущем аннексировать эти территории. Отметим, что Лев Шептицкий, писавший свое послание на латыни, использовал в данном случае термин «Украина», как и Боплан с Энгелем, в смысле «окраинных» польских земель — он так и пишет «Ukraina Polonia». Не менее важно и то, что Лев Шептицкий и Галицию, и Малороссию объединяет под единым понятием Украина, а вот Вольню считает отдельной территорией.

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

Вот такой полномасштабный план по отрыву «украинских» земель от России путем создания униатской митрополии!

В 1807 году тема статуса Галиции получила новое звучание. По условиям Тильзитского мирного договора под протекторатом Наполеона было создано Герцогство Варшавское.

А в 1809 году польский князь Юзеф Понятовский, ставший при Наполеоне главнокомандующим вооруженными силами Герцогства Варшавского, занял Краков и другие галицийские города. Габсбургский проект Галиции оказался под большим вопросом.

Тут надо сказать, что Наполеон и австрийский канцлер Меттерних вели сложную игру вокруг Галиции, обсуждая различные политические комбинации.

Так, Наполеон обещал включить Галицию в Герцогство Варшавское, рассчитывая на поддержку поляков в войне против России. Одновременно Бонапарт рассматривал вариант союза с Александром I, и тогда сильное польское государство было бы никому не нужно: французский император позже признавал, что он постоянно подталкивал Александра занять земли Галиции, что неминуемо бы поссорило Россию с Австрией и толкнуло ее в объятия Франции.

В сентябре 1810 года Наполеон и Меттерних обсуждали обмен Галиции на Иллирийские провинции. Наполеон давил на Меттерниха, намекая на шаткость положения Габсбургов в Галиции. Меттерних докладывал императору Францу I: «Он (Наполеон. — Авт.) говорил о возможности восстаний, которые в ходе следующей войны могут разразиться в нашей провинции Галиция, и которые он может оказывать склонным поддержать в интересах своих польских союзников...» Меттерних же, относясь к Галиции как к чужеродному необязательному элементу в составе Габсбургской империи, хотел продать ее подороже: «Мы можем либо потерять Галицию без компенсации, либо добровольно отдать ее с компенсацией». Под компенсацией подразумевались Иллирийские провинции.

Согласно франко-австрийскому союзному договору 1812 года Вена должна была передать после войны с Россией Галицию Великому герцогству Варшавскому. Этим планам не суждено было сбыться, поскольку Наполеон проиграл русскую кампанию.

В 1815 году по решению Венского конгресса Габсбурги с небольшими потерями вернули в свой состав Галицию. Краков же стал «вольным городом» под протекторатом Австрии, России и Пруссии.

В апреле 1815 года, во время знаменитых «ста дней» Наполеона, Меттерних с наместником Галиции Петером Гессом обсудят возможность продолжать курс на ассимиляцию поляков. Гесс предлагал превращать поляков Галиции в немцев и делать это в два этапа: «Граф Гесс очень справедливо замечает, — пишет Меттерних, — что тенденция должна быть в основном такой: не превращать поляков в немцев сразу, но прежде всего сначала сделать из них настоящих галичан (выделено нами. — Авт.), поскольку только такой последовательностью этапов можно надеяться достичь конечной цели, и любое другое поведение правительства не только уведет от нее, но и может стать в настоящий момент даже опасным».

Политика эта дала очень относительные результаты. Лишь небольшая часть галицких поляков отказалась от идеи восстановления Польши, признала власть Габсбургов и вошла в администрацию края. Впоследствии, как мы увидим, поляки предлагали Вене сотрудничать на совсем других условиях.

Среди первых «лояльных» был поляк Юзеф Оссолинский, считающийся одним из авторов анонимной «Великой хартии

вольностей Галиции». Оссолинский создал во Львове библиотеку, в стенах которой вскоре возникло научно-исследовательское общество, ставшее важнейшим центром польской культуры в Восточной Галиции. В здании «Оссолинеума» в наши дни располагается Львовская национальная библиотека. В 1817 году Оссолинский писал: «Не ущемление (польской. — Авт.) национальности, а скорее склонение ее на сторону правящего дома (Габсбургов. — Авт.) одновременно и объединило бы Галицию, и стало бы приманкой для соседних земель».

В посленаполеоновский период Габсбурги осознают, что политика просвещенного абсолютизма не принесла необходимых плодов, и что в Галиции основной силой остаются мятежные поляки. Австрийцам приходится идти на уступки.

В 1818 году имперская комиссия по образованию постановила, что польский, а не немецкий язык становится предпочтительным языком начального образования в Галиции. Немецкий остается языком высшего образования. При этом во Львовском университете, где преподавание до сих пор велось исключительно на немецком языке, появляется кафедра польского языка и литературы.

Собственно, признание польского, а не русского языка было лишь подтверждением того факта, что в те времена в Галиции в школах и университетах обучались только поляки — русское же, крестьянское, население было безграмотным.

Первые русинские будители

Осознав свою полную неспособность в одиночку противостоять полякам, австрийцы начинают заигрывать с русинским крестьянским населением. Габсбурги сознательно раздувают конфликт, который ярко вспыхнет через 30 лет.

По отмашке венского правительства в 1816 году в Перемышле создается Товарищество (Общество) грекокатолических священников Галиции, предназначенное, как говорилось в его уставе, утвержденном императором Францем I, стимулировать «воспитание патриотизма и лояльности» к австрийской династии. «Товарищество» в Перемышле действует в союзе с митрополитом Галицким Михаилом Левицким, резиденция которого находилась во Львове, и с униатскими кругами венской Королевской общей грекокатолической семинарии при церкви св. Варвары (Барбарее), составляя так называемый «венско-перемышльский круг».

Успеху работы «Товарищества» способствовала деятельность его основателя, униатского священника Ивана Могильницкого, который с позволения австрийских властей начинает разрабатывать русинский язык. Могильницкий просто перекладывает устное наречие русинов Галиции фонетически (по принципу «как слышится, так и пишется») на кириллицу. Как отмечает современный венский исследователь Михаэль Мозер, язык Могильницкого представлял собой «довольно любопытную смесь рутенских церковнославянских и народных элементов с сильной примесью полонизмов».

В 1815 году Могильницкий печатает на новоизобретенном языке Катехизис.

В 1816 году он учреждает в Перемышле Русинское ученое сообщество, а на следующий год — и школу для певцов и учителей грекокатолической церкви. В это же время Могильницкий создает Букварь русинского языка. Новый язык быстро менялся — каждое последующее издание букваря и Катехизиса Могильницкого отражает эти изменения.

В 1818 году выходит официальный циркуляр, разрешающий ограниченное преподавание русинского языка в начальных школах Восточной Галиции. Забегая впе-

ред, скажем, что к 1832 году в Перемышльской епархии русинскому письменному языку обучали уже примерно в 400 школах.

В 1818 же году Могильницкий в Перемышле начинает читать проповеди на народном языке.

В том же 1818 году во Львове назначают нового грекокатолического митрополита Ивана Снегурского. Этот ставленник Вены активно поддерживает в Перемышле начинание Могильницкого. Снегурский впервые в истории русинов начинает писать пастырские послания на недавно созданном Могильницким языке. Как указывает Мозер, после назначения Снегурского Перемышль становится «центром создания» русинского языка. Мозер пишет: «В годы его (Снегурского. — Авт.) епископства (1818–1847) целая группа интеллектуалов собралась в грекокатолической епархии Перемышля; в ее распоряжении находилась собственная типография».

Украинская версия истории представляет деятельность Могильницкого как первого украинского будителя — так учат сегодня в украинских школах. При этом в ряде научных статей для подтверждения данной версии ссылаются на авторитет Ивана Франко. Франко действительно называл деятельность «Товарищества», созданного Могильницким, «одним из первых выразительных проблесков национального чувства». Вот только говорил он не о «галицких украинцах», как это, например, утверждает литературовед Роман Кирчев, а о (продолжаем прямую цитату Франко) «...ложно-русской нации, которая населяла восточную Галичину». И — ни слова об украинцах. Франко, будучи одним из создателей украинофильского движения, прекрасно понимал, что в начале XIX века в Галиции ни о каких украинцах еще и слыхом не слыживали.

В своей работе «Ведомость о русском языке» Могильницкий подчеркивает, что «русский» язык не является «мешаниной славянского, русского и польского языка», а является языком самостоятельным. Отметим, что, говоря о русинах и их языке, Могильницкий пишет «русский» с одной «с». Аналогично будут поступать и другие создатели русинской, а впоследствии и украинской идентичностей...

При этом Могильницкий считает, что «русский» язык наиболее древний, наиболее близкий к славянскому праязыку: «Язык русский наиболее соответствует первоначальному, или материнскому, языку славянскому».

Вместе с тем, по Могильницкому, «русский» язык тождествен белорусско-

му и малороссийскому: «Язык... русский суть то само значные... малоруский, белорусский». Могильницкий особо подчеркивает, что «русский» язык — это именно не «российский», но «малороссийский»: «язык русский то само значит, що мова малороссийска».

Понятие «Украина» у Могильницкого фигурирует не как этноним, а исключительно как название одной из территорий Руси (аналогично тому, как и у Ангеля — одной из территорий «Окраины», Польши). При этом Могильницкий под Украиной подразумевает Малороссию: «На Малоруси, то есть на Украине», — пишет он. Под Малороссией же он понимает территории вокруг Киева. Могильницкий делает откровенные реверансы в сторону Габсбургов, заявляя, что именно они спасли русинов от ужасов междоусобиц и польского гнета: «Освобождение от бед сих принесли Божьей милостью монархи Австрийские!» После чего Могильницкий заверяет Габсбургов: «Сердца наши из рода в род будут нерушимо благодарны и верны правящему нами счастливо Императору Австрийскому и преславному Дому его». Надо сказать, что впоследствии русины будут не раз делать такие заверения, причем искренно, а Габсбурги будут этим умело пользоваться.

О глубокой связи Могильницкого с официальной Веней красноречиво свидетельствует следующий факт: в 1818 году австрийский император Франц I произвел его в немецкие дворяне.

В 1834 году ученик Могильницкого Иосиф Левицкий публикует на немецком языке первую грамматику русинского языка. А через несколько лет появится гораздо более проработанная русинская грамматика на польском языке.

Панславизм, первая азбучная война и Руськая трицца

В первой половине XIX века в странах Восточной Европы активно развивались идеи панславизма — объединения всех славян.

В России традиционно под панславизмом понимается именно русский панславизм. Крупнейшим его представителем был Михаил Погодин, посетивший в 1835 году Львов и завязавший знакомства с местными панславистами и со львовским духовенством. Русский панславизм стремился возглавить движение славянского воз-

рождения и в перспективе присоединить к Российской империи славянские земли.

Между тем чешское и польское панславистские движения возникли раньше русского и были никак не менее политически значимы. Чешские и польские панслависты предлагали создать независимую славянскую конфедерацию, которая явным образом могла возникнуть лишь после краха Австрийской и Российской империй, а также Пруссии, в состав которой входила часть польских земель. Славяне, согласно панславистам, должны были освободить народы Европы от гнета империй.

«Отцом» чешской славистики был чех Йосеф Добровский.

Последователем Добровского стал венский придворный библиотекарь, словенец Варфоломей Копитар, создатель грамматики словенского языка.

Михал Андриолли. Каневский замок. 1880

ВОЙНА ИДЕЙ

Интересно, что в 1816 году Копитар после знакомства в Вене с русинами признал в своем трактате «Руснякская литература» (Russniakische Literatur) существование самостоятельного «руснякского» (die Rusniaken) народа. Уже тогда он предложил русинам разработать собственную грамматику на основе латиницы, а не кириллицы, чтобы русины «спасли себя от потопления в русском море».

В 1817 году чешский славист Вацлав Ганка объявил, что обнаружил в одной из готических церквей образец чешской литературы аж XIII века — так называемую Краледворскую рукопись. Год спустя Ганка заявил об обнаружении Зеленогорской рукописи. Подлинность последней была тут же оспорена Добровским. Сегодня не вызывает сомнения, что обе рукописи изготовил Ганка, возможно, совместно с другим чешским славистом Йозефом Линдой. Тем не менее Краледворская рукопись надолго стала символом чешского и общеславянского возрождения.

Расцвет чешского панславизма приходится на 30–40-е годы XIX века. Крупнейшими его представителями были Ян Коллар, Павел Шафарик и Карел Гавличек-Боровский.

Основателем же польского панславизма стал в начале XIX века Зориан Доленга-Ходаковский.

В 1821–1826 годах во Львове действовал конспиративный кружок, получивший название Товарищества сторонников славянства. В него входили Люциан Семеньский, Август Белевский и Людвик Набеляк. После поражения польского ноябрьского восстания 1830 года многие поляки бежали из Российской империи во Львов, ставший с этого момента крупнейшим центром польского панславизма.

В том же 1830 году Семеньский, Белевский и Набеляк начинают издавать во Львове альманах «Галичанин». В альманахе сразу же публикуется польский перевод отрывков из Краледворской рукописи с проственным введением Набеляка, изложившим в нем основы панславизма (чуть позже Семеньский переведет данную поддельную рукопись полностью). Публикуются в «Галичанине» и переводы сербских песен Белевского, и переводы украинских песен.

В то же время расцветает так называемая «украинская школа» польской литературы. Наиболее яркими ее представителями были Михаил Грабовский, Юзеф Богдан Залеский и Северин Гошинский.

«Украинская школа» воспевала нравы и обычаи Малороссии — главным образом казаков. Манифестом группы стала поэма Гошинского «Каневский замок», вышедшая в 1828 году.

После провала ноябрьского восстания Гошинский бежал во Львов. В 1832 году во Львове он вместе с Белевским и Семеньским создал литературную группу «Жевония» (Ziewonia). «Жевония» будет собирать местные русинские легенды и сказания о казаках. Одноименный альманах «Жевония», начавший выходить в 1834 году, станет одним из рупоров польского панславизма в Галиции и «кузницей славянского сознания». «Жевончики» быстро установили связи с другими панславистами Австрийской империи — чехами, словаками и пр., — а также с польской эмиграцией в Париже.

В 1833 году один из близких к «жевончикам» львовских славистов Вацлав Залеский издал сборник польских и русинских песен под названием «Песни польские и русские народа галицийского» («Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego»).

Вышеупомянутый Иван Франко так оценивал «Песни» Залеского: «Эта книга была первой ласточкой нашего народного пробуждения. Благодаря ей образованные русины убедились, что и у них, в устах простого холопа-барщинника, жили песни и сказания, которыми они могли гордиться перед миром».

Между тем книга Залеского породила смятение в рядах русинских будителей. Дело в том, что Залеский опубликовал русинские песни не в переводе на польский, как это делалось в «Галичанине», а на языке оригинала, но не кириллицей, а латиницей. Сам Залеский, в отличие от многих «жевончиков», постепенно перейдет в группу «согласителей». Выступая против польского сепаратизма и за сотрудничество с Веней, Залеский сделает во Львове блестящую карьеру и в конце жизненного пути даже станет губернатором Галиции.

В 1834 году один из учеников Могильницкого Иосиф Лозинский, вдохновленный «Песнями» Залеского, опубликует в одной из львовских газет статью «О введении польского алфавита в рускую письменность» («О wprowadzeniu abecadła polskiego do pismownictwa ruskiego»). В ней он предложил перевести изобретенный Могильницким язык на польский алфавит, то есть на латиницу. За таким латинским русинским алфавитом закрепилось данное по его первым буквам название «абцадло». Лозинский утверждал, что переход на популярную в мире латиницу послужит распространению русинской культуры. За Лозинским стояли не только поляки, но и Вена, которой избыточное сближение русинов с Малороссией казалось опасным.

С этого предложения Лозинского начинаются так называемые азбучные войны, шедшие в Галиции вплоть до 80-х годов XIX века.

В 1835 году Лозинский публикует на абцадло знаковую работу — исследование местного русинского фольклора «Русская свадьба» («Ruskoje wesile»).

Кстати, до сих пор на Украине существуют сторонники латинизации украинского языка, стремящиеся таким образом еще больше сблизить Украину с Западом.

В полемике с Лозинским и другими сторонниками абцадло сформировалась так называемая Русская троица. Лидерами этой группы, насчитывавшей около двадцати участников, были трое молодых русинов Львовской духовной семинарии — Маркиан Шашкевич, Иван Вагилевич и Яков Головацкий. Русская троица считала русинов Галиции и малороссов одним народом.

Отметим, что в середине 30-х годов XIX века в Галиции еще не было резкого разделения на тех, кто выступал за Москву, и тех, кто выступал за Киев и был против Москвы. Позднее же Русская троица разделится именно по этому признаку. Так, Головацкий возглавит линию на сближение с Москвой и впоследствии будет вынужден эмигрировать в Россию. Шашкевич, наоборот, начнет ориентироваться на Киев и зарождается украинское движение. Вагилевич же будет всё теснее сотрудничать с поляками.

Русская троица выступила резко против латинизации русинского языка и отстояла кириллицу. На аргумент Лозинского о приобщении к западной культуре через латинизацию Шашкевич в статье «Азбука и абцадло» возражал, что нельзя сделать путем бездумных заимствований: «Литература любого народа есть отражение его жизни, его образа мышления, его души; следовательно, должна она зародиться, вырасти из собственного народа и зацвести на той же ниве <...> Если будем внедрять в славянскую литературу чужие обороты и чужой способ выражения... то будем вмешиваться в тело, имеющее свою душу, другой, чужой душой, которая не приклеится к народу, и, таким образом, литература будет принадлежать лишь нескольким так называемым европейским литераторам, из-за чего разминется в своей главной цели».

Шашкевич также указывал на то, что переход на латиницу разорвет связи между Галицией и Малороссией. К слову сказать, Шашкевич в этой своей статье всю использует термин «Украина»: «украинские

Обложка «Русалки Днестровой» (издана в декабре 1836 года с датой 1837 на обложке)

песни», «украинское письмо», «украинская азбука».

Головацкий спустя годы так оценивал «азбучную войну»: «Прими галичанин в 1830-х годах польское абцадло — пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русский дух...»

Не меньшей заслугой Русской троицы перед русинской литературой считается издание в самом конце 1836 года сборника «Русалка Днестровая» (Днестр — крупнейшая река Восточной Галиции). Примечательно, что «Русалка» была опубликована в другой Габсбургской провинции, Венгрии. Причиной тому было то, что за публикацию текста на русинском языке отвечала грекокатолическая церковь, а она с неохотой принимала последние языковые новшества — уход от близкого к церковно-славянскому языку Могильницкого к светскому варианту с современным кириллическим алфавитом, на котором писала Русская троица. Отметим, что в «Русалке», возможно, впервые было применено фонетическое правописание на основе живой народной речи русинов. Кроме того, церковь не поощряла славянские языческие мотивы, которые содержались в «Русалке». Итак, «Русалка» была запрещена в Галиции, но разрешена на остальных территориях империи Габсбургов.

Авторы «Русалки» не преминули подвергнуть критике идею латинизации русинского языка на страницах этого отнюдь, казалось бы, не академического произведения: «Наибольшим обманом, даже непрощаемым грехом в сем деле является, если писатель, отвергнув азбуку рускую, принял бы буквы лякские (польские. — Авт.), которые не пристают к нашему языку. Стоит ли бесчестить святыню?»

После чего авторы в высших выражениях пояснили, что русинская идентичность сохранилась благодаря кириллице: «Азбука святого Кирилла... была нам небесной, неодолимой твердью перед совершенным уничтожением, была самой крепкой опорой, непоколебимой скалой, на которой Русь святая, столько столетий сильно опечаленная, крепко стояла. Это дева райская звездноубранная, озаренная добродетельной силой...»

О значении «Русалки» для русинского движения украинский историк Иван Лысяк-Рудницкий писал: «Русалка Днестровая» может показаться сегодня совершенно безобидной и лишённой политического значения, но современники считали эту «языковую революцию» радикальной и опасной». А всё тот же Иван Франко назвал «Русалку» «для своего времени явлением насквозь революционным».

После публикации «Русалки» Русская троица приступила к сбору и систематизации фольклора русинов Галиции на русинском языке.

Достижения Русской троицы не остались без внимания. Начальник полиции Львова так охарактеризовал их работу: «У нас уже достаточно проблем с одной национальностью (поляками. — Авт.), а эти безумцы хотят воскресить мертвую и погребенную национальность рутенов (с последним термином мы еще встретимся ниже. — Авт.)».

Следует отметить, что Русская троица в «Русалке» действительно писала о русских, но только понимала она под ними население, проживавшее на землях современной Украины, почему и обозначала данный народ «русским» с одной «с»: «Народ русский, — заявляли авторы «Русалки», — один из головных поколений славянских, в середине меж ними, проживаю в хлеборобных окрестностях от Бескидских гор до Дона». Бескидские горы — это Карпаты. Таким образом, мы видим как раз примерно территорию современной Украины.

Одна из тем «Русалки» — песни о казаках, воюющих на Украине с «ляхами»: «Застилают Ляхи листья по всей Украине. / Живите, живите Украинцы, не бойтесь ничего, / Повешано в Пятигорах Козаченков много!» Миф о казачестве станет важнейшим элементом украинского конструкта. При этом в своем воспевании казачества Русская троица очевидным образом вторила польской «украинской школе».

В «Русалке» перечисляются существовавшие на тот момент национальные литературные источники — «сборники народных наших песен». В их перечень был включен пародийный «перевод» на малороссийское наречие «Энеиды» Вергилия, известный как «Энеида» Котляревского, сборник старинных малороссийских песен князя Цертелева, сборник песен Максимо-вича, сборник украинских песен, вышедший в Москве в 1834 году, и другие.

Продолжение на стр. 6

Памятник Русской троице. Ивано-Франковск

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

В современных патриотических источниках Русскую тройцу зачастую причисляют к однозначно пророссийскому движению, однако на деле всё было гораздо сложнее. «Русалка» очевидным образом создавалась как панславистское произведение с отсылкой к польским и чешским литературным образцам.

Как отмечает польский исследователь Тадеуш Полхлопек, «Русалка» «возникла под влиянием польского демократического подполья, так называемой украинской школы». Имеется в виду та самая упомянутая выше «украинская школа» польского романтизма. Так, в «Русалку» вошел отрывок перевода «Каневского замка» Гошинского, выполненный Шашкевичем. Стилизованные народные песни предваряются в «Русалке» отрывком из другого поляка — Юзефа Богдана Залеского. А процитированные выше слова из «Русалки»: «Народ русский — один из головных поколений славянских», — явно адресуют к идеям «Жевонии».

Важным источником украинских мифов и панславистских идей для авторов «Русалки» был квазиисторический пропольский памфлет «История русов», с которым они были знакомы по крайней мере фрагментарно.

Сам образ русалки также был почерпнут Русской тройцей у поляков. В те времена русалка была одним из титульных персонажей романтизма. Вспомним хотя бы знаменитую «Русалочку» Андерсена, опубликованную в 1837 году (на следующий год после разбираемой нами «Русалки Днестровой»). В польском романтизме русалка становится символом польского и славянского возрождения. Так, русалка Залеского в одноименной поэме 1829 года живут в водах Днепра. Там же живет и русалка Юлиуша Словацкого из поэмы «Змея», опубликованной в 1831 году. В 1834 году еще один участник ноябрьского восстания и еще один член «Жевонии» львовский поэт Александр Дуний-Борковский напишет свою «Королеву утопленников». Его русалка живет уже в Днестре.

Так что члены Русской тройцы не были новаторами даже в выборе реки обитания своей русалки. Да они и не стремились к этому. Авторы прямо в тексте «Русалки Днестровой» указывают на существующую «русалочью» традицию, а также на то, что русалка для них — это символ народной души: «Не печалься Русалочка с Днестра, что не убрана, в наряде, который от природы и простодушного и добросердечного народа твоего тебе достался — стоишь перед твоими сестрицами. Они добрые, примут тебя и украсят».

В «Русалке» очевидны отсылки и к чешскому панславизму. Члены группы взаимодействовали с Колларом, Шафариком и Гавличком-Боровским. Раздел «Народные песни» в «Русалке» предварялся эпиграфом из Коллара, с которым Головацкий познакомился в 1835 году в Пеште и у которого многому научился. Также «Русалка» содержала в себе перевод нескольких песен из фальшивой чешской Краледворской рукописи.

В своем стремлении пробудить местное русинское национальное сознание Русская тройца явным образом тяготела к Киеву. А вот вытекало ли отсюда тяготение к Москве — этот вопрос разными членами движения решался по-разному.

Например, вставший в итоге на прорусские позиции Головацкий изначально отнюдь не смотрел в сторону Москвы. В 1846 году он опубликовал в Германии под псевдонимом Гаврила Русин брошюру под названием «Положение русинов в Галиции», в которой заявлял: «Поощряя русинскую литературу (в Галиции. — Авт.), Австрия могла бы оказывать влияние на Малороссию».

Не стоит забывать, что деятельность Русской тройцы приходилась на времена австрийского канцлера Меттерниха, когда ничто, хотя бы отдаленно похожее на

Адам Чарторыйский

политическое начинание, не оставалось без внимания. О близости Русской тройцы к Габсбургам в то время красноречиво свидетельствует следующий факт: в 1842 году в Вене хотели открыть журнал на русинском языке, чтобы противостоять российскому панславизму. Редактором журнала должен был стать Иван Головацкий, брат Якова. Правда, в итоге проект так и не был воплощен в жизнь, поскольку венские власти потребовали писать на латинице вместо кириллицы.

В 1843 году в истории русинов происходит важнейшее событие. Вена, наконец, решает дать официальное наименование поддерживаемой ей народности: «рутенны» (Ruthenen) — так теперь будут называть русинов представители администрации Габсбургов. Отметим, что слово «рутенны» было почерпнуто австрийцами из средневековых польских хроник. В своем написанном на латыни в 1517 году «Трактате о двух сарматиях» польский историк Матвей Меховский называл русских, которых он строго отличал от москвитян, как Rusogum, так и Rutenogum. Последователи Меховского будут по-польски писать «русины» (Rusin) или «русы» (Rus), а по-немецки — Ruthenian. Таким образом, изначально различие между «русинами» и «рутенами» было исключительно лингвистическим. Но впоследствии это различие приобрело политическое значение. Называя русинов рутенами (Ruthenian), австрийцы, во-первых, латинизировали самоназвание народа, а значит, намекали на необходимость латинизации и их языка, а во-вторых, подчеркивали сугубую лояльность «рутеннов» дому Габсбургов.

Насколько важно было для Габсбургов строго разграничить слова «рутенны», «русины» и «русские», свидетельствует следующий пассаж. Он принадлежит перу Германа Бидермана, крупнейшего в Австрии исследователя русинского вопроса, который, в частности, доказал автохтонность русинского населения Закарпаття и их проживание на закарпатских землях до венгров. В своей работе «Венгерские русины, их местожительство, промыслы и история», изданной в 1862 году, Бидерман пишет: «Было бы роковой бестактностью присвоить рутенам (Ruthenen) имя... сближающее их с москвитями (Moskowitzern) <...> Если же рутеннов (Ruthenen), сознательно противопоставляя великороссам (Grobussen), называть именно «рутенами» (Ruthenen), тогда всякая опасность исчезает. <...> Слово Русь (Rus)... не имеет национального основания...»

Но вернемся к Русской тройце. Русская тройца поддержала австро-славянскую политическую программу, развиваемую чехами при поддержке Габсбургов, — то есть концепцию панславизма, альтернативную российской. Влияние Российской империи на Балканах тогда возрастало, и неафиши-

руемая цель данной программы заключалась в противодействии российскому влиянию на славянских территориях монархии Габсбургов.

Вышеупомянутый чешский славист Карел Гавличек назвал в 1846 году «Украину» «агницем между двумя волками» (Россией и Польшей), «яблоком раздора, брошенным судьбой между этими двумя народами». Он советовал Вене развивать в Галиции русинскую национальность «на основе истории и языка малороссов», и тогда «русины... не только станут главными антагонистами великороссов, но и большая часть малороссов начнет симпатизировать им». Отметим явную когерентность с Головацким, выпустившим, как мы видели, в том же 1846 году брошюру с таким же точно предложением в адрес Габсбургов.

Добавим, что, как уже говорилось, внутри Русской тройцы в конце концов оформились русофильская, малороссийская и пропольская партии — при этом две первые долгое время были опорой австрийцев в регионе. Некоторые члены Русской тройцы поддерживали связи с польским революционным подпольем. Часть из них выступит и в 1846, и в 1848 году на стороне поляков против Габсбургов.

Тут необходимо отметить, что в 30-х годах XIX века крупным центром польской эмиграции стал Париж, где обоживалась группа князя Адама Чарторыйского.

Чарторыйский был в начале XIX века близким сподвижником императора Александра I, членом Негласного комитета и министром иностранных дел. Однако позднее он перешел в оппозицию. После провала польского восстания 1830 года Чарторыйский и его соратники перебираются в Париж. Добавим, что

основателем рода Чарторыйских считался князь Константин Чарторыйский, двоюродный брат основателя династии Ягеллонов Ягайло (он же король Владислав II Ягеллон). В связи с этим Адам Чарторыйский претендовал на воссоздание польской монархии, а его соратники именовали его «некоронованным королем польским».

Группу Чарторыйского стали называть «Отель Ламбер» по названию особняка, где проживала семья князя. «Отель Ламбер» станет наиболее влиятельным центром польской эмиграции, установившим теснейшие связи с Великобританией, Францией (особенно при Наполеоне III), Ватиканом и даже Османской империей. Сподвижники Чарторыйского самым активным образом займутся пропагандой идей польского панславизма.

В конце 30-х годов XIX века в «Отели Ламбер» появляется свой «украинский отдел», у основания которого стоял Михаил Чайковский, считающийся сегодня на Украине одним из первых национальных будителей. Чайковский пропагандирует тему казачества. В конце 30-х — начале 40-х годов XIX века он публикует «Казацкие повести» (1837 год), романы «Вернигора, украинский пророк» (1838 год), «Гетман Украины» (1841 год) и другие.

Вернигора — легендарный казацкий пророк, якобы предсказавший и разделы Польши, и последующее ее возрождение. Он становится для поляков символом их примирения с казаками. Миф о Вернигоре превращается в один из важнейших мифов, формирующих польскую идентичность. По оценке польского филолога Анджея Фабьяновского, «Вернигора» являлся для Чайковского «ключевым в идеологическом плане романом», созданным как «апология польско-казацкого братства».

Ян Матейко. Вернигора. 1883–1884

ВОЙНА ИДЕЙ

Сам Чайковский в предисловии к третьему изданию романа в 1861 году писал: «*Рыцарский разгул казаков поставит на ноги Польшу. Братство с поляками ополячит казаков*».

Преемником Чайковского в «украинском отделе» «Отеля Ламбер» стал знаменитый теоретик расовой неполноценности москалей Франтишек Духинский. Духинский развивал идею Чайковского о том, что именно специфически понимаемое казачество должно стать основой украинства. «*Русь и казачество — вот вся наша надежда*, — писал он в 1852 году в «Отель Ламбер». — *Я стремился прямо к соединению Галицкой Руси с Заднепровской Русью и к окончательному привитию Руси стихии казачества*». В другом письме он подчеркивал: «*Русины — единственное средство польского восстания... Главная задача сегодняшней польской эмиграции: не русинизм, а казачество*».

Добавим, что в «украинском отделе» будет работать идеолог проекта нового крестового похода католиков на восточные церкви под знаменем униатства Ипполит Терлецкий, а также польский историк конца XIX века Валериан Калинка. Оба они сыграют важную роль в украинизации униатской церкви, начавшейся в 1882 году, — так называемой Добромильской реформе василианских монастырей.

Галицийская резня 1846 года

Вскоре после поражения польского восстания 1830 года в вольном городе Кракове начинается подготовка к новому мятежу.

В 1835 году Австрия, Пруссия и Россия заключают секретное соглашение об оккупации Кракова для недопущения восстания в нем поляков.

А в конце 1845 года в Кракове собрались заговорщики. Согласно их плану, революция должна была вспыхнуть одновременно в австрийской Галиции, в «Конгресовке» (Царстве Польском, находившемся в составе Российской империи по решению Венского конгресса) и в Познани (Пруссия).

Восстание началось в Кракове в ночь на 21 февраля 1846 года и быстро перебралось в Западную Галицию.

Сигналом к началу восстания в Галиции должно было стать убийство австрийского эрцгерцога, тогдашнего губернатора края Фердинанда Карла Габсбурга д'Эсте на балу во Львове. Надо сказать, что одним убийством эрцгерцога дело бы не ограничилось. Заговорщики, называвшие свой план «сицилийской вечерней» (то есть резней), планировали расправиться на балу со всей австрийской верхушкой города. Однако заговор был вовремя раскрыт начальником полиции Галиции Леопольдом Захер-Мазохом-старшим. Ему также стало известно, что польское восстание должно вспыхнуть одновременно в Кракове, Львове, Тарнуве, Станиславе (ныне Ивано-Франковск), то есть охватить всю Галицию — и Западную, и Восточную. В одном Львове находилось около 8 тысяч заговорщиков.

Несмотря на неудачное покушение на эрцгерцога, восстание всё же произошло.

Меттерних назвал это польское восстание «*коммунистическим заговором*». Обвиняя поляков в коммунистической революционности, он сетовал, что в Польше именно «*высшие классы были преданы делу Революции*». Крестьянство же, подчеркивал Меттерних, выступило в качестве силы контрреволюционной: «*Именно народ только что вершил правосудие над заговорщиками*».

Восстание в Галиции приобрело широкий размах. Между тем о планах польских заговорщиков хорошо знали в Вене. Часть из них удалось быстро схватить и тем са-

Ян Левицкий. Галицийская резня 1846 года. 1871

мым локализовать восстание. В начале марта австрийские войска уже были в Кракове.

Но австрийцы решили крупно проучить поляков, и тогда тайная полиция Меттерниха натравила на восставшую шляхту крепостных крестьян. Агенты Вены через крестьянских старост начали распространять слухи о том, что шляхта в случае успеха восстания ужесточит крепостное право и начнет расправы над крестьянами. Ответный крестьянский бунт против восставшей на Габсбургов шляхты был широк и необычайно по тем временам кровав. Он получил название Галицийской резни.

Тут надо сказать, что в последние перед восстанием годы в Галиции отношения между крестьянами и шляхтичами стали особенно напряженными, каждый год вспыхивали бунты, крестьяне практиковали поджоги. Центральным был вопрос об отмене крепостного права и сокращении привилегий шляхты. О причинах ненависти крестьян к своим польским господам такой знаток местных нравов, как начальник полиции Захер-Мазох-ст., писал, что во времена Речи Посполитой шляхтич «*был абсолютным... господином над крестьянином. Последний рассматривался как вещь*». Шляхтич мог безнаказанно «*убить крестьянина, ограбить его, изнасиловать его жену*». Некоторые магнаты, предвидя большой бунт, еще в 1842 году предлагали во Львовском сейме отменить барщину. Но большинство шляхтичей в сейме не поддержало это предложение. Положение стало катастрофическим после неурожайных 1844 и 1845 годов.

Центром бойни стал Тарнув, второй по величине город в регионе после Львова, находившийся в Западной Галиции.

Наряду с толками о том, что шляхтичи собираются устроить расправы над крестьянами, агенты Вены пустили слух, что император высоким указом отменил на время бойни 10 христианских заповедей.

Крестьянские расправы накрыли фактически всю Западную Галицию и западные районы Восточной. Особенно зверствовали крестьяне в Тарнувском округе. Здесь польские дворяне были уничтожены чуть ли не поголовно — по разным оценкам, от 2 до 3 тысяч человек.

Галицийские крестьяне отличились неслыханными зверствами. С лозунгами

«Да здравствует империя!» и «Да здравствует император Фердинанд!» они ловили и пытали шляхтичей, сжигали заживо в их же усадьбах. Шляхтичам отрубали конечности, отрезали головы, выкалывали глаза, отрезали носы и уши, привязывали к хвостам лошадей и заезжали до смерти. Мучители распиливали тела жертв пилами и расчленяли заживо топорами, сдирали кожу и посыпали раны солью. Родителей заставляли смотреть на пытки и смерть своих детей. Обезумевшие крестьяне насиловали и убивали женщин (известны случаи убийства беременных польских дворянок) и детей. Невероятно, но в расправах над шляхтичами принимали участие не только мужчины, но и женщины и дети.

Австрийские власти посулили крестьянам награды за раненых и убитых шляхтичей. Тогда крестьяне стали свозить в города трупы, чтобы получить награду. Тарнув и другие города Западной Галиции содрогались от ужаса при виде наводнивших улицы подвод с лежащими на них трупами. По свидетельствам очевидцев, в Тарнуве по улицам текли реки крови. Поскольку за убитых шляхтичей предлагалось более высокое вознаграждение, раненых зачастую притаскивали к зданию австрийской администрации и там добивали.

Еще раз подчеркнем, что центром резни стал именно западногалицийский Тарнув и его окрестности, хотя расправы над польскими дворянами прокатились по всей Галиции. В целом же восставших можно условно разделить на мазуров (польских крестьян) в Западной Галиции и русинов в Восточной Галиции. Поэтому некоторые авторы говорят о двух ветвях крестьянского восстания 1846 года: о Галицийской резне в Тарнуве и окрестностях и об общем крестьянском восстании в остальной Галиции. Есть также свидетельства, что предводитель восстания Якуб Шеля (согласно последним исследованиям, он был русином) не участвовал в зверствах. Так, глава галицийской полиции Захер-Мазох-ст. считал, что Шеля «*выделялся своей человечностью*», и утверждал, что тот «*не был причастен к зверствам*». К этому же выводу склоняется ряд современных исследователей истории русинов.

Крестьянское восстание в Галиции приняло большой размах и очень скоро

стало грозить перекинуться на Закарпатье, Буковину и Словакию. Крестьяне всё чаще выступали против австрийских властей и даже нападали на их военные отряды. И австрийцы в конце концов были вынуждены прислать в Галицию войска уже для умирения крестьян. Главой чрезвычайной администрации становится губернатор Моравии Рудольф Штадион (менее чем через год его брат Франц станет губернатором Галиции).

Растущая популярность Якуба Шели стала опасна для Вены, но и убрать его также было чревато взрывом недовольства. Поэтому глава полиции Галиции Захер-Мазох-ст. подержал его некоторое время во Львове, а затем отправил под охраной на жительство в Буковину.

Канцлер Меттерних по итогам восстания предложил разделить Галицию на две части, Западную и Восточную. Граница должна была проходить по реке Сан. Объясняя причины такого разделения, Меттерних указывал на принципиальное различие крестьян Западной и Восточной Галиции: «*Раса, населяющая западный берег, — это мазуры; та, которая занимает восточный берег, — это русняки* (в тексте — Rusniaques. — Авт.); они разделены религией и обычаями», — пояснял Меттерних. Однако эта идея так и не была воплощена канцлером в жизнь.

Галицийская резня поразила современников своей жестокостью. По выражению известного исследователя истории Галиции Ларри Вольфа, она «*загипнотизировала всю Европу*».

События в Тарнуве окончательно скомпрометировали Меттерниха и его правительство в Вене. И спустя два года во время революции в Австрийской империи отставка Меттерниха станет одним из главных требований восставших.

Польский литератор Александр Велепольский, очевидец событий 1846 года, напишет в том же году политический памфлет «*Письмо польского дворянина о массовых убийствах в Галиции, адресованное князю Меттерниху*». Велепольский так оценивает Галицийскую резню: «*То, что только что произошло в Галиции, после раздела Польши является самым*

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–7

Австрийские солдаты покупают головы убитых дворян у галицийских крестьян (гравюра). 1848

важным событием в истории Восточной Европы».

В своем письме Велепольский публично обвиняет Меттерниха в развязывании бойни: «Мой принц... в конце долгой и славной карьеры, прежде чем спуститься в могилу, ваши ноги поскользнулись на крови». От лица всех поляков Велепольский заявляет: «Счет к Австрии открывается для нас на вечных страницах Провидения».

Велепольский заявляет, что отныне он разрывает отношения с Габсбургской монархией и предлагает всем полякам устремить свои взоры в сторону России: «Польское дворянство, без сомнения, предпочтет идти с русскими во главе славянской цивилизации, молодыми, энергичными, полными будущего, вместо того, чтобы тащиться, презирать, ненавидеть и причинять вред в хвосте вашей дряхлой, беспокойной и самонадеянной цивилизации».

И действительно, некоторые поляки, в том числе Велепольский, пораженные ужасом Галицийской резни, пошли на контакт с русскими и эмигрировали в Российскую империю. Сам Велепольский уедет в Варшаву, где станет помощником наместника по гражданской части и вице-председателем Государственного совета.

По утверждению идеологов «Отеля Ламбер», сыгравших ключевую роль в создании украинского конструкта, крестьянское восстание 1846 года показало, что «Москва и Австрия... могут распоряжаться русинизмом как коммунизмом». Предпочитая не замечать, что эпицентром восстания был Тарнув, где жили в основном поляки-мазуры, и при этом стремясь решить проблему привлечения на свою сторону русинов, «Отель Ламбер» решил сосредоточиться на прививании русинскому движению мифа о «рыцарях»-казаках — мифа по сути антикрестьянского (а значит, и антикоммунистического) и антиросийского. «Главная задача сегодняшней польской эмиграции: пробуждение русинизма как казачества», — убеждал в 1852 году вышеупомянутый Франтишек Духинский ближайшего сподвижника Адама Чарторынского Владислава Замойского, руководителя в «Отеле Ламбер» всей внешней политической организации. И казацкий миф был с успехом внедрен в русинское движение в начале 60-х годов XIX века, став основой украинства.

Надо сказать, что Галицийская резня в польской историографии часто сопоставляется с Колиивщиной — казачьим восстанием, апогеем которого стала резня поляков (а также евреев и униатов) в Умани.

Польско-украинская историческая мифология также гласит, что в обоих случаях восставшие действовали по указке властей. В случае с Габсбургами это действительно так. Утверждения же, что Уманскую резню инспирировала Екатерина II, являются, безусловно, наглою ложью.

Польский миф о Колиивщине возникает в вышеупомянутой поэме Гошинского «Каневский замок». Впрочем, этот представитель польской «украинской школы» литературы винил в Уманской резне еще самих поляков. Поэма изображала, как казаки восстали против угнетавших их поляков, которые сами и были виноваты в случившемся.

Однако далее Чайковский в уже упомянушемся романе «Вернигора» создает совсем иной миф — о том, что якобы русские по приказу императрицы Екатерины II натравили казаков на поляков. «Об этом знает вся Украина, что императрица России в дар крестьянству прислала ножи, которые велела освятить поам греко-росийского обряда. <...> Их развозили по деревням и раздавали крестьянам. На исповедях поны велели резать ляхов и жидов», — пишет Чайковский в примечаниях к «Вернигоре».

Украинский поэт Тарас Шевченко — пресловутое «наше всё» украинской литературы, творчество которого, безусловно, крайне политизировано, — черпал вдохновение, как и Русская троица, в произведениях «украинской школы» польского романтизма. И в поэме Шевченко «Гайдамаки», посвященной Колиивщине, легко обнаруживается влияние «Каневского замка» Гошинского. Но главным ориентиром для «Гайдамаков» стал именно «Вернигора» Чайковского. Друг Шевченко и первый издатель его центрального произведения, сборника стихов «Кобзарь», Петр Иванович Мартос писал: «Мне попался роман Чайковского на польском языке «Wernyhora», изданный в Париже. Я дал Шевченку прочитать этот роман; содержание «Гайдамак» и большая часть подробностей целиком взяты оттуда». Оказавшись затем в Париже, Мартос передал Чайковскому по просьбе Шевченко экземпляр «Гайдамаков» со словами благодарности от автора.

Так вот, Шевченко в «Гайдамаках» прямо скопировал из «Вернигоры» сюжет с освященными по приказу Екатерины ножами, которыми якобы резали поляков. Так эта абсолютно лживая история становится важным элементом сначала польской, а потом и украинской мифологии.

Отметим также, что убийство главным героем «Гайдамаков», предводителем казаков Гонтой, во время резни в Умани собственных маленьких детей — факт не исторический, а также взятый Шевченко из «Вернигоры». Вообще поэма «Гайдамаки» за свой кровавый колорит не раз вызвала нарекания соратников и ярых поклонников Шевченко, таких как Пантелеймон Кулиш или Иван Франко. В 1862 году польский писатель и переводчик Антон Гожалчинский издал польский перевод произведения Шевченко. В предисловии он писал: «Гонта — это тот отцеубийственный народ, который уничтожает в себе общественную идею любви, которую, как зерно будущего, должен был лелеять в своей груди». И впрямь, Гожалчинский очень точно уловил, как в формируемую украинскую идентичность внедряется ген насилия.

Но вернемся от литературных мифов к реальной Галицийской резне. По масштабам и вариациям изощренных изуверств произошедшее, безусловно, превосходило всё известное в то время в Европе.

Афанасий Сластион. Иллюстрация к поэме Тараса Шевченко «Гайдамаки». 1886

Во времена Средневековья практиковались изуверские пытки (разрезание, сдирание кожи, колесование и т. д.), в основном для наказания властями врагов и предателей. Распространению пыток способствовала инквизиция. И в ходе религиозных войн со стороны гугенотов и немцев-лютеран, а также в ходе народных восстаний (вандейцев, каталонцев) применялись в ответ схожие пытки. Бывали, разумеется, и жуткие еврейские погромы. При этом к середине XIX века зверства встречались уже не часто — во всяком случае на европейском субконтиненте.

Однако как массовое устрашающее явление с особо изуверскими изощренными пытками и убийствами, организованное властями для запоминания на века, да еще с сознательным снятием христианских заповедей, — такое впервые было организовано именно тут. Именно Габсбурги в 1846 году в ходе Галицийской резни в таком масштабе и так продуманно применили метод античеловеческого натравливания и подавления целой группы населения.

Характерно, что в украинской публицистике изуверская Галицийская резня часто представляется как первая великая победа пробужденного украинского народа над угнетателями. То есть именно это событие призывают положить в качестве краеугольного камня в основу украинского национального самосознания... В российском интернете, напротив, легко найти публикации, где проводится параллель между Галицийской резней поляков в 1846 году и Волынской резней поляков бандеровцами во время Великой Отечественной войны. Но пабликами в интернете всё не ограничивается. Такой респектабельный западный исследователь украинства, как Ларри Вольф, к примеру, тоже считает, что корни украинского погромного социокультурного гена надо искать в Галицийской резне.

Ларри Вольф напоминает, что во второй половине XIX века в Европе прославился галицийский писатель Леопольд Захер-Мазох, сын не раз упомянутого нами начальника галицийской полиции. В декабре 1869 года Леопольд Захер-Мазох, живя в Граце, подписал контракт, в котором он отказывался от своих человеческих прав и добровольно требовал сделать его сексуальным рабом женщины, фрау Пистор: «Герр Леопольд фон Захер-Мазох своим честным словом обязуется быть рабом г-жи Фанни фон Пистор, безоговорочно исполнять все ее желания и приказания в течение шести месяцев кряду». Фрау Пистор, в свою очередь, в договоре требовала: «Мой раб! Условия, на которых я принимаю вас и терплю рядом с собой, таковы: Полный и безусловный отказ от собственного я. Помимо меня, у вас не может быть никакой воли... Подобно плоти вашей, мне принадлежит также и ваша душа... Мне позволена величайшая жестокость... Вы признаете

ВОЙНА ИДЕЙ

Ян Лоренович. Крестьянский разбой 1846 года. 1851

за мной власть и право замучить вас до смерти при помощи всех мыслимых пыток». Фрау Пистор взяла на себя только одно обязательство — носить меха. Этот совершенно реальный контракт Захер-Мазох опишет в новелле «Венера в мехах». А фрау Пистор возьмет себе имя героини новеллы Ванды фон Дунаев. «Не проходило и дня, — указывала Ванда в своих воспоминаниях, — без того, чтобы я не выпорола своего мужа, доказав ему тем самым, что я выполняю свою часть контракта».

В 1890 году венский психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг открыл новое психологическое расстройство: «Я чувствую себя вправе назвать эту сексуальную аномалию «мазохизмом», — пишет Эбинг, — потому что писатель Захер-Мазох часто допускал это извращение, которое до него было совершенно неизвестно научному миру; таков субстрат его сочинений».

Эбинг ввел в психопатологию также понятие садизма по имени печально известного маркиза де Сада. А крупный постмодернистский философ Жиль Делез назвал обоих — и Сада, и Мазоха — «великими антропологами». Усомнившись в том, что здесь есть место для величия, согласимся, что оба действительно открыли неизвестные дотоле темные стороны человеческой природы.

Захер-Мазох писал не только о сексуальных извращениях. Его творчеству свойственна эстетизация крови и насилия.

Детство Захер-Мазоха, как следует из его воспоминаний, делится на два периода. Первый — идиллический. Захер-Мазох вспоминает свою русинскую кормилицу и няню, которая рассказывала ему народные сказки. Писатель навсегда полюбил русинский народ и будет воспевать его в своем творчестве.

При этом было в его детстве и событие фрейдистского характера — в 9 лет он

Украинский пропагандистский ролик. 2022

присутствовал при скандале в семье своей родственницы графини Ксенобии. Застигнутая на измене графиня накинулась и на мужа, и на свидетелей. Часто этот инцидент считают причиной позднейших девиаций Захер-Мазоха.

Однако в своем первом романе «Одна галицийская история. 1846», опубликованном им в 1858 году, Захер-Мазох описал другое ключевое событие своего детства, в корне перевернувшее его жизнь. В этой книге он ярко живописует картины резни в окрестностях Тарнува.

Захер-Мазох пишет: «Размахивая косягой он (один из крестьянских вожakov. — Авт.) орал: «Убейте их! Убейте их!» Коса со свистом опустилась; не издав ни звука, Вандатар сник на землю с рассеченной головой. И тут, взвывая от ярости, толпа крестьян бросилась вперед, воздев высоко над головами косы и цепи».

Роман изобилует такими картинками: «Стреляйте, стреляйте!» — закричал Корский; но прежде чем ему удалось вытащить свои громоздкие пистолеты, на него обрушились удары косами и цепями. Польский флаг упал на землю. <...> Крестьяне продолжали наносить по нему удары, пока он не остался лежать совсем изрубленный и разбитый».

Или: «Они (крестьяне. — Авт.) стояли большим кругом. Одежда большинства из них была залепана кровью. Косы, на которые они опирались, были окровавлены, цепи были облеплены кровью и мозгами. Вокруг них лежали трупы, стонали раненые, дым над замком еще до конца не рассеялся». Подобные цитаты бесконечны...

Стати, обратим внимание на то, что здесь всё время фигурируют косы как оружие расправы. И вспомним недавний нашумевший постановочный ролик, где украинка в вышиванке смачно отрезает голову серпом русскому солдату в тельняшке. Эту украинку с серпом (в ее роли снялась актриса из Львова) превратили в символ современной Украины. Так вот, те, кто делал данный ролик, очевидным образом будили коллективную историческую память (ту самую Галицийскую резню), расшатывали сознание, поощряя украинцев к зверствам над беззащитными. И зверства над русскими пленными последовали... Как мы видим, в 2022 году для холопов вновь отменяются 10 заповедей — только теперь в роли императора Фердинанда выступает клоун Зеленский...

В 1846 году Захер-Мазоху было 10 лет. Гуляя по улице, он увидел, как крестьяне везли к ратуше подводы с трупами и изувеченными стонущими людьми. Некоторые были голые. С них на землю стекала кровь. Захер-Мазох рассказывает, как увидел, что собаки слизывали кровь с жертв. «Трупы представляли собой ужасающее зрелище. Здесь лежала оторванная рука,

Следы гибели одной из жертв расправы на стене Дома профсоюзов Одессы. 2014

там сквозь солому проглядывала изувеченная нога. Стекавшую с повозок кровь слизывали собаки», — так писатель описывает свои детские воспоминания в романе «Одна галицийская история. 1846».

Эта картина сломала психику десятилетнего мальчика. «Это был нарочито жестокий исторический момент, который, должно быть, был шокирующим для десятилетнего ребенка, как, впрочем, и для всех остальных в Галиции», — пишет Ларри Вольф.

Но Вольф не останавливается на этом и заявляет, что Галицийская резня оказала сходное травмирующее действие на Галицию в целом: «В то время как Галиция могла показаться лишь незначительно относящейся к психопатологическим проблемам Крафта-Эбинга, на самом деле существовал галицийский субстрат (здесь и ниже выделено нами. — Авт.), который обуславливал личные и литературные аномалии Захер-Мазоха». «Годы его галицийского детства с 1836 по 1848 год были формирующими и травмирующими не только для него, но и для исторического хода самой Галиции», — подчеркивает Вольф.

Фактически здесь автор также говорит о том, что в психологии жителей Галиции есть внедренный ген насилия. И это можно было бы считать частным мнением исследователя, если бы перед нашими глазами не было исторических данных, подтверждающих такую точку зрения. А они, к прискорбию, есть. Их, что называется, просто невозможно утаить. Мы видим цепочку: Галицийская резня 1846 года — резня украинцами русинов во время Первой мировой войны — страшная Вольнская резня, осуществленная бандеровцами в 1943 году. Добавим сюда последние преступления их потомков: сжигание людей 2 мая 2014 года в Одессе, да и майдан в целом... А разве не этот же «субстрат» подвигает негодяев собирать по соцсетям в Донецке очереди в банкомат, а потом стрелять по ним касетными снарядами? А издевательства над русскими пленными в ходе начавшейся в 2022 году военной операции на Украине? Про данную психолого-историческую садомазохистскую травму хорошо знали авторы украинского контракта. И на этом «галицийском субстрате» они и стали выращивать «цветы зла» радикальной ненависти к москалям.

Революция 1848 года

Революционные события 1848 года захлестнули всю Европу и вошли в историю под названием «весны народов». Не минули потрясения и Австрийскую империю. Революционные события в Ита-

лии, Чехии и Венгрии поставили монархию Габсбургов на грань небытия.

Во время революции правительство Меттерниха, перед этим скомпрометированное Галицийской резней, ушло в отставку. Регионы требовали всё больших свобод и один за другим откалывались от Вены. Император Фердинанд вынужден был провозгласить конституционную монархию, а сам бежал в Тироль.

В разгар революционных событий по инициативе чешских панславистов в Праге собрался Славянский съезд. В нем приняли участие чехи, словаки, поляки, русины, хорваты, сербы и другие славяне. Присутствовал даже русский панславист Михаил Погодин. Гимном собрания стала песня «Гей, славяне». Члены съезда, однако, так и не смогли договориться о единой программе. Так, чех Павел Шафарик предлагал создать славянскую конфедерацию под скипетром Габсбургов, что не отвечало представлениям других делегатов. Во время съезда в Праге вспыхнуло восстание. Подавившие его австрийские солдаты разогнали собравшихся.

В Галиции в ходе «весны народов» ожидаемо восстали поляки, требовавшие от императора восстановить польскую государственность — то есть широкую автономию в рамках империи Габсбургов. Польские революционеры сформировали Национальный комитет и парламент — Раду народов. Урок 1846 года не прошел даром, и поляки попытались заручиться поддержкой русинов. Но в формирующемся союзе тут же наметились трения.

Львовские лидеры русинов потребовали легализовать их язык и ввести в школах русинский наряд с польским. На что поляки ответили отказом, заявив, что русинский язык — только диалект польского. Сами поляки при этом требовали не только ввести обучение на польском на всех уровнях — в школах и в университетах, — но и сделать польский официальным языком провинции.

Кроме того, пытаясь переманить русинов на свою сторону, польские революционеры пообещали им отмену барщины. Но дальше обещаний дело не пошло из-за противодействия польских землевладельцев. Пока поляки спорили в Раде народной по этому вопросу, по всему региону начались крестьянские волнения.

Галицийская резня 1846 года, по выражению известного историка-русина из лагеря русофилов Филиппа Свистуна, «вызвала у шляхты крайнюю ненависть к немецким чиновникам». Габсбурги закономерно опасались возмездия.

Воспользовавшись несогласиями в Раде по вопросу о барщине, губернатор Галиции Франц Штадион фон Вартгаузен

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–9

решил выбить из рук польских революционеров русинский козырь. Штадион сумел быстро связаться с Веной и убедить императора в необходимости отменить крепостное право. В результате императорский манифест об отмене барщины был зачитан во Львове 22 апреля 1848 года — за день до обнародования аналогичного польского проекта.

Для завоевания еще больших симпатий русинов Штадион признал существование русинской национальности. При этом на встрече с лидерами русинов Штадион потребовал, чтобы русины именовались впредь на немецкий манер рутенами. Что, как уже говорилось, не только подчеркивало их лояльность Габсбургам, но и разделяло с русскими.

Позднее, в 1866 году, лидер русофильского движения отец Иван Наумович вспоминал тогдашний визит русинов к Штадиону: «В 1848 году вопрошали нас: Кто вы? Мы сказали, что мы всемирнейшие Rutbenen. (Господи, если бы праотцы наши узнали, что мы сами прозвали себя тем именем, каким окрестили нас во время гонений наши наилютлейшие враги, они в могилах зашевелились бы!) <...> Мы клялись душою и телом, что мы не русские, не Russen, но что мы так себе, Rutbenen, что граница наша на Збруче, что мы сторонимся так называемых Russen, как окающих схизматиков, с которыми ничего общего иметь не хотим».

Получив такие гарантии от русинов, Штадион заверил их в «высочайшем уважении, испытываемом им к рутенскому народу, который отличается верной преданностью императору и австрийскому правительству».

Штадион без обиняков объяснил Вене, что русины — это «средство парализовать польское влияние и заручиться поддержкой австрийскому правлению в Галиции». В ответ один из тогдашних популярных венских журналистов Мориз Готлиб Сафир парировал, что губернатор Штадион «изобрел» рутенов как политический прием Габсбургов.

Штадион, конечно, русинов не избрел — как мы видели, их национальное пробуждение началось значительно раньше политической интриги губернатора. При этом слова Сафира, безусловно, показывают реальное отношение австрийцев к проблеме русинов.

Далее Штадион, в рамках своей политики поощрения русинов, инициировал создание русинской Головной русской рады — как противовеса польской Рады народовой. В русинской Раде тон задавали грекокатолические священники. Главой Рады был избран священник Григорий Яхимович. В Раду принимали только униатов — «членом собрания может быть каждый честный русин греческого обряда», — поскольку в те времена в условиях только зарождающегося национального самосознания это был самый верный способ отличить русина от поляка.

Головная русская рада тут же изложила свои требования: уравнивание русинского и польского языков, доступ русинов к государственному постам, религиозное равноправие русинов-униатов с поляками-католиками. В результате доступа к управлению в регионе русины так и не получили, их религиозные права признавали весьма условно, но русинский язык действительно начали преподавать в школе. Во Львовском университете также была учреждена кафедра русинского языка и литературы под руководством Якова Головацкого (позднее он даже станет ректором университета).

Русины тогда же получили право иметь свои периодические издания. Так возникла газета «Зоря галицкая», печатный орган Головной русской рады. Издание это было официально поддержано начальником полиции Галиции Захер-Мазохом-ст.

В первом же номере «Зори галицкой» от 15 мая 1848 года публикуется манифест

«Зоря галицкая» — печатный орган Головной русской рады

русинского народа. Текст этот неоднократно становился объектом исторических подтасовок. Так, в украинской историографии он объявляется манифестом пробудившегося украинства, хотя в нем слова «Украина», «украинец» и т. п. вообще ни разу не употребляются. В прорусских же источниках часто утверждается, что в данном документе прямо сказано о единстве с Россией, хотя и это неверно.

На деле авторы воззвания утверждали единство русинов с малороссами.

Вот этот текст: «Мы, русины Галицкие, принадлежим к великому русскому народу, который одним говорит языком и 15 миллионов составляет, из которых пол третьего миллиона (2,5 миллиона. — Авт.) землю Галицкую населяют». Итак, говоря о себе как о «русинах», авторы заявляют, что численность «русских» составляет всего 15 миллионов. Это однозначно свидетельствует в пользу того, что имеются в виду малороссы, проживающие в Российской империи, и так это тогда и понималось. Отметим, что идею единого пятнадцатимиллионного русинского народа, проживающего по обе стороны Збруча, привил русинам вышеупомянутый чешский славист Павел Шафарик. Обратим внимание также на то, что в манифесте слово «русский» пишется с одной буквой «с». В тогдашних изданиях русины писали слово «русский» по-разному: «росский» и «русский», «руський» и «руский». Это уже впоследствии при внедрении украинской антимоскальской идеи написание «руский» стало принципиальным.

Тут возникает закономерный вопрос: кто такие эти русины из Головной русской рады и почему они стали фактором большой политики?

Заседавшие в Головной русской раде русины были в большинстве своем священниками грекокатолической церкви. До 60-х годов XIX века именно священники и семинаристы были в основном идеологами русинского пробуждения. При этом для многих русинское самоопределение связывалось с религией: войти в сообщество поляков означало перейти в католицизм (поляки Галиции с крайним презрением относились к униатам), что было для них неприемлемо.

В те времена подавляющее большинство образованных русинов являлись представителями униатской церкви. Светское образование практически было тождественно ополячиванию. Историк Джон-

Пол Химка указывает, что среди поляков была принята «математическая формула: рутен + высшее образование = поляк».

В 1848 году во львовской «Национальной ежедневной газете» (Dziennik Narodowy), редактором которой был польский революционер Леон Корецкий, вышла большая статья «Червоно-русское дело в 1848 году» («Rzecz czergwono-guska 1848 roku»). В ней настойчиво доказывалось, что русины на самом деле являются поляками, поскольку «каждый просвещенный русин использует письменный польский язык в устной и письменной речи как свой повседневный язык», при этом именно «по книжному языку», утверждалось в статье, определялась национальная принадлежность, в том числе и «непросвещенной и неграмотной части этого племени». Такое мнение можно назвать одиозным, объяснив его тем, что писал это поляк. Но

интересно, что и социал-демократ Иван Франко, часто выступавший против «клерикалов», заявлял: «Говорить о нашей интеллигенции до отмены крепостного права (то есть до 1848 года. — Авт.), значит говорить о духовенстве, ибо никакой другой интеллигенции не было».

Почему же Штадион счел возможным опереться на столь тонкую прослойку образованных «рутенгов»? Химка объяснял это так: «Легко было отмахнуться от политических взглядов группы, состоящей в основном из священников. Сделать это было гораздо труднее, когда за ней стояли сотни тысяч крестьян...»

Реальной силой в регионе было крестьянство, над которым после 1846 года поляки явно утратили контроль. От лица этих крестьян говорили русинские идеологи. Важнейшую роль среди последних играли священники-униаты.

Что касается русинских идеологов, то к 1848 году они поделились на несколько партий.

Умонастроения русинских будителей описал один из них, Василий Подолинский, в своей брошюре «Слово перестроги», изданной в 1848 году на польском языке. Сам Подолинский состоял в связях с польской подпольной революционной организацией «Сыны Отечества» и был сторонником создания в Галиции независимого Польского государства с широкой русинской автономией.

Описывая ситуацию накануне революции 1848 года, Подолинский, кстати, указывал на распоряжения Штадиона против униатских священников, сделанные им жандармам, и на его попытки разорвать связь между священниками и их паствой. По мнению Подолинского, такая политика австрийского губернатора была нацелена на обращение русинов в кальвинизм.

Подолинский призывал братьев-русинов из Руськой рады умерить пыл и сформировать свои требования с польскими интересами: «Если захотим всё обрусинить — это не удастся, потому что будут противиться поляки, а если захотим всё ополячить, тоже не удастся, потому что будут противиться русины». Одновременно он объяснял и полякам, что те должны принять языковые требования русинов, поскольку это «гордией узел, отталкивающий Русь» (в тексте — Rus. — Авт.) от Польши».

Подолинский перечисляет четыре партии русинов Галиции:

«I. Партия чисто руская (в тексте — ruska. — Авт.) — хочет Руси свободной, независимой и направляется к ней просто, непосредственно или через Славянщину».

II. Партия польско-руская — хочет Руси свободной, независимой и направляется к ней при посредничестве федеративной Польши, или же славянской Польши в федерации с Русью с таким мнением, что когда она созреет и будет нужна, тогда полностью обрусинится. <...>

III. Партия австрийско-руская — хочет Руси, свободной только от поляков, а не обязательно от неволи. <...>

IV. Партия российско-руская (rossyjsko-guska. — Авт.) тоже хочет Руси, может и свободной, и направляется к ней через предварительное объединение с Россией».

Что касается пропольской партии, то один из ее представителей, вышеупомянутый Ипполит (Владимир) Терлецкий, изложил свои взгляды в 1849 году в Париже в брошюре под названием «Слово русина ко всем братьям славянского племени о делах славянских». В этом памфлете Терлецкий призывал русинов объединиться с Польшей, причем основой такого единства должен был, по его мнению, стать католицизм: «Между Русью и Польшей должна наступить гармония, эти две сестрицы должны стать как два ствола одного дерева, которые тянут соки одним корнем, сростившись внизу, но с буйной отраслью и нарядным цветом наверху. Так Польша и Русь должны теснее связаться между собой, каждая из них будет развиваться в собственном духе свою национальность, но на основании одной католической мысли».

Более того, Терлецкий видел назначение Руси (союза Малороссии и Галиции) в том, чтобы «привести к католическому единству всю Славянщину». Эта единая «славянско-католическая сила» должна была, по мысли Терлецкого, освободить из-под османского ига славянские земли и «сокрушить турецкое владычество в Европе», а также «проникнуть» в Россию и «перефармить» ее. Здесь, очевидно, речь шла как минимум об отделении Малороссии от России и о ее окатоличивании.

Концепция Терлецкого подразумевала создание федерации славянских народов на руинах Российской и Габсбургской империй. Ведущую роль в этом новом государстве должна была играть Польша, которая оперлась бы на польско-русинский союз. Галиция же, по Терлецкому, должна была вобрать в себя Малороссию. Православных на этих землях, соответственно, предполагалось ввести в унию: «Рядом с Польшей становится наша родная сестра, наша Русь. Она должна быть для Славянщины обрядом греко-славянского тем, чем Польша — для обряда латинского». Терлецкий мечтал о воссоздании униатского Киевского патриархата — идея, которую позже будет продвигать митрополит Андрей Шептицкий.

Пропольские настроения Терлецкий клеймил российское правительство за его поддержку единства русинов с русскими: «Российское правительство радо бы убедить всех и самих русинов, что они всегда были с россиянами одно и то же. <...> Это грабег, который российское правительство допускает в области истории и письменности». Тут речь шла об одной из идеологов, разработанных именно польской эмиграцией — о том, что «москаль» присвоили себе имя «Руси». Терлецкий восклицал: «Мы же от имени всей Руси протестуем как можно более против этих грабегей со стороны тех, кого народ наш знает под именем Москаля (Moskala)». «Национальность Руси отличается от российской», — утверждал Терлецкий.

Эту брошюру Терлецкого известный исследователь украинства Феодосий

ВОЙНА ИДЕЙ

Эмблема католического ордена воскресенцев

Стеблль назвал «голосом русина, который говорил по-польски в духе концепции Адама Чарторыйского», — и, действительно, Терлецкий был тесно связан с вышеупомянутым «Отецем Ламбер» и его главой, «некоронованным королем Польши» Адамом Чарторыйским. Был Терлецкий связан и с католическим польским орденом воскресенцев, близким к «Отецу Ламбер», и с иезуитами. Собственно, в этой брошюре Терлецкий развивает польский панславистский концепт «Отеца Ламбер».

Надо сказать, что австрийские идеологи панславизма вполне разделяли тогда мысль польских идеологов о том, что главную опасность для них представляет российский панславизм. Характерно заявление одного из теоретиков австрославизма Франтишека Ригера в январе 1849 года в Конституционном комитете Вены: «Свобода прессы позволит наиболее полно развиваться рутенскому (rutheni che) элементу. Его дышащая свободой литература растопит твердый лед российского абсолютизма... вырвав миллионы крепостных рутенов у России... Это, господа, является самым важным в данном вопросе: не за горами падение европейского деспота, врага свободы, когда этот народ встанет в один ряд с другими славянскими народами».

Что касается русских панславистов, то их представлял вышеупомянутый Михаил Погодин. Погодин посещал Львов в 1835 и в 1839 годах и завязал активную переписку с некоторыми видными русинами. Главным сторонником взглядов Погодина в Галиции был выходец из Руськой троицы Денис Зубрицкий, который в 1842 году стал членом петербургской Археографической комиссии. Забегая вперед, скажем, что в 1850-х годах Зубрицкий опубликует на русском языке трехтомную историю Галицко-Вольнского княжества. Эта историческая работа развивала миф о венгерском происхождении русинского престола, созданный для Габсбургов, как мы помним, Энгелем.

В разгар революционных событий 1848 года в Вену из Львова было направлено весьма примечательное письмо с обращением «к немецким братьям». Данный документ был написан по-немецки. Русские, проживавшие в России, в нем так и именовались русскими (Russen), русины же, лояльные к австрийцам, назывались рутенами (Ruthenen). Из письма видно, что русофильски настроенные русины тогда еще не разочаровались в немцах, однако уже недвусмысленно намекали им, что знают о своей русской родне и могут податься к России: «Есть много голосов, которые подозревают нас в том, что мы склоняемся на сторону России, и поэтому не хотят предоставлять нам никакой национальной автономии», — говорится в документе. Авторы продолжают: «Русские связаны с нами кровным родством, общая славянская кровь течет в наших жилах, общая судьба в былые времена, родственны язык, обычаи и прочее делают наших русских

братьев достойными и дорогими нашим сердцам».

Далее авторы письма «к немецким братьям» задаются вопросом, «найдут ли австрийские рутены (österreichische Ruthenen) большее счастье для себя под скипетром России». «Если бы это было так, то с тоской мы ждали бы момента, когда сможем встретить русские флаги», — указывают они.

После этого австрийцам в письме предлагалось задуматься над возможностью такого поворота, рассмотрев вариант содействия национальному пробуждению русинов внутри Австрийской империи.

Отметим, что в ходе революции 1848 года поляки со своей стороны пытались не упустить русинский козырь. В ответ на создание Руськой рады польская Рада народа учредила Руський собор, во главе которого оказались польские магнаты. Члены Руського собора провозгласили себя рутенами польской нации (gente Rutheni, natione Poloni). Габсбургам создание этого пропольского органа тоже было на руку — при помощи него сдерживался русинский сепаратизм. Добавим, что Руський собор поддержал один из членов Руськой троицы Иван Вагилевич, который с тех пор перешел к полякам.

В течение нескольких месяцев революции важную роль играл заседавший в Вене парламент. При этом, поскольку Штадион объявил на государственном уровне о существовании рутенов, оказалось, что они должны были быть представлены и в парламенте. Удивительно, но только что обнаруженная нация получила в венском парламенте достаточно весомое представительство. Причем, что самое главное, депутатов-русинов оказалось больше, чем поляков.

Всего от Галиции депутатами стали 31 крестьянин (русины), 17 священников (9 униатов и только 6 католиков), 26 помещиков (поляки) и 25 представителей интеллигенции. Спрашивается, зачем в венский парламент вводить полудиких крестьян? Ни от одной провинции империи не было такого числа крестьян, как от Галиции. Крестьян выбирали, конечно, особо, в их список вошел даже Якуб Шеля — уже от Буковины, где он тогда жил. Но самое важное состояло в том, что таким образом депутаты от Галиции в парламенте оказались настроены консервативно-прогабсбургски. И каждый раз, когда поляки выступали с поддержкой революции — прежде всего в Венгрии, — русины блокировали их инициативы.

Как бы там ни было, но умелая политика Штадиона в отношении русинов спасла тогда монархию. Когда в начале ноября 1848 года поляки восстали во Львове, бунт был жестоко подавлен прибывшими правительственными войсками — Львов бомбили артиллерией. При этом немаловажную роль в подавлении польского восстания

сыграли русины, выступившие на стороне Вены.

В декабре 1848 года под давлением революции император Фердинанд был вынужден отречься от престола. На престол взошел Франц Иосиф I. Его правление будет необычайно долгим, он умрет лишь во время Первой мировой войны в 1916 году.

В феврале 1849 года по инициативе Головной руськой рады и при поддержке все того же губернатора Галиции Штадиона, так много сделавшего для укрепления «рутенов», был создан рутенский батальон сечевых стрельцов, полностью лояльный Вене. Стрельцов этих направили в Пешт против венгерского восстания.

Тут надо отметить, что главной проблемой для Габсбургов в 1848–1849 годы стала именно венгерская революция. Венгрия провозгласила свою независимость, что де-факто приговаривало империю Габсбургов к распаду. Однако по просьбе императора Франца Иосифа в Венгрию вступила сотысячная русская армия, разбившая венгерских повстанцев.

Добавим, что проход русских войск по Галиции и Закарпатья вышел в конце концов Габсбургам боком. Русинские крестьяне, видя русские войска, опознавали русских как своих. Так, один из основоположников прикарпатского русофильского движения Александр Духнович вспоминал позже в мемуарах: «Одна вещь действительно доставила мне радость в жизни, и это было в 1849 году, когда я впервые увидел славную русскую армию». Это настроение было общим.

Таким образом, русины сыграли в революции 1848–1849 годов в Австрии реакционную роль, полностью поддержав Габсбургов. При этом сразу после подавления венгерского восстания рутенский батальон стрельцов был расформирован — воссоздадут его уже в 1914 году, когда перед Габсбургами встанет новая угроза.

После революции, воодушевленные сделанными им уступками, русины потребовали разделить Галицию на польскую (западную) и рутенскую (восточную) части: «Раздел Галиции является жизненно важным вопросом для рутенов», — напишут они в своем обращении к императору.

Вскоре русины еще больше увеличат свои требования, заявив о необходимости объединить все рутенские земли в одну колонную землю — то есть присоединить к Восточной Галиции Закарпатья и Буковину.

Оценив опасность всех этих требований, Вена блокировала их при помощи поляков и польского Руського собора, выступившего против разделения Галиции на Западную и Восточную и против объединения рутенских земель.

При этом Буковину, где была официально разрешена православная церковь, Вена объявила отдельным коронным краем. Сделано это было из-за опасения австрийских политиков, как бы русины Галиции, находясь

в тесном общении с русинами Буковины, не начали также переходить в православие.

После революции Габсбурги ужесточили режим правления. Уже в 1851 году Франц Иосиф восстановит абсолютизм.

Используя русинский фактор во время революции, сразу же после нее австрийцы резко отвернулись от русинов и принялись покровительствовать полякам. В начале 1849 года губернатором Галиции был назначен, впервые в истории края, поляк — упоминавшийся выше Вацлав Залеский, латинизатор русинской азбуки. Главной целью этого назначения было ограничение дальнейшего расширения прав русинов, в том числе блокирование их требований о разделе Галиции. Правление Залеского будет прервано буквально через несколько месяцев его смертью. Но на его место вновь заступит поляк, еще более радикальный, — лютый враг русинов Агенор Голуховский, о политике которого мы скажем чуть ниже.

Разочарование в такой перемене в отношении и общее «закручивание гаек» в Австрийской империи побудят многих русинов перейти на русофильские позиции. Так, в русофильский лагерь в 1851 году перейдет и возглавит его один из основателей Руськой троицы Яков Головацкий.

Период с 1848 по 1882 год станет периодом бурного расцвета русофильского движения. При этом более полувека Габсбурги будут кормить русинов обещаниями насчет того, что касалось их основного требования — раздела Галиции на Западную и Восточную.

Австрия в Крымской войне 1853–1856 годов

Формально Россия и Австрия были союзниками еще со времен Священного союза. При этом Габсбурги постоянно искали удобного повода, чтобы расширить свои территории на восток за счет России. Австрийский император Франц Иосиф писал своей матери: «Наше будущее — на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желателно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке — Россия».

В Крымской войне Франц Иосиф весьма плохо отблагодарил Россию, спасшую его во время революции в Венгрии. Австрия вступила в войну на стороне противников России — Османской империи, Великобритании и Франции (позже к ним присоединится также Сардиния). Занятая Австрией позиция сказалась на проигрыше России в войне.

Такое вероломство впечатлило всю Европу, и вместо ожидаемого усиления своих позиций Вена в итоге оказалась в политической изоляции. «Крымская война, — напишет английский историк Алан Тейлор, — оставила Австрию без друзей». Данным обстоятельством тут же воспользовалась Пруссия, но об этом ниже.

Справедливости ради стоит отметить, что австрийское военное руководство было шокировано дипломатией венского двора в период Крымской войны. «Политика, проводимая австрийским правительством во время Крымской войны, категорически противоречила мнению армии и привела именно к тому результату, которого в ней так опасались, — изоляции Дунайской монархии в международных делах. Вера армии в австрийскую внешнюю политику была подорвана», — указывал австрийский историк Томас Клетечка.

Капитуляция венгерской армии перед русскими войсками. 1849

Продолжение на стр. 12

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–11

Голуховский и вторая азбучная война

Вскоре в Галиции разгорелась так называемая вторая азбучная война. Спровоцировал ее вышеупомянутый губернатор Галиции Агенор Голуховский.

Голуховский — яркий образец верного Габсбургам поляка. Именно он в 1848 году вместе со Штадионом «изобрел» рутенский как противоядие польской революции. И именно Голуховский предложил Штадиону создать Руськую раду как «контрагитационное средство» против польской Рады народных.

В январе 1849 года Голуховский становится губернатором Галиции и тут же начинает борьбу с русинским национальным пробуждением. В запросе Руськой рады о разделе Галиции на польскую и рутенскую части, присоединении к последней Буковины и образовании таким образом «рутенской провинции», Голуховский в одном из рапортов 1849 года в Вену усмотрел «опасное для целостности Австрии... желанье соединиться с родственными народами», способное со временем вылиться в «стремление к соединению всех малорусских племен в одно рутенское государство». Голуховский подчеркивал, что в случае удовлетворения хоть в какой-то мере этой просьбы «если не нынешнее, то несомненно будущее поколение [рутенцев] обратится к живущим под российским скипетром родственникам, чтобы с ними образовать единый могущественный государственный организм». Усилиями Голуховского раздел Галиции так и не состоялся.

Именно с приходом Голуховского начинается эпоха польского засилья в регионе. При этом сам он поднялся на ранее невыносимую для поляков в Австрии высоту: не только на протяжении многих лет управлял Галицией, но даже недолгое время побыв министром внутренних дел империи.

В 1859 году по инициативе Голуховского министр образования Австрии Леопольд фон Тун унд Гогенштайн предложил перевести рутенский язык на латиницу. В основу должна была лечь чешская азбука (реформу разработал чех Йосеф Иречек). Отныне обучение рутенскому языку в школах, согласно плану Голуховского, должно было повсеместно вестись на латинице.

Реформа вызвала сильное противодействие русинов, а митрополит Галицкий Григорий Яхимович даже направил письмо к императору с просьбой ее не проводить.

В 1861 году Вена отказалась от идеи латинизации, но при этом запретила использовать гражданское письмо, рассматривая его как влияние России. Отметим, что это однако отнюдь не остановило распространение именно гражданского письма в регионе.

Семи недельная война 1866 года

В 1866 году произошло давно ожидаемое столкновение быстро входившей в силу Пруссии с Австрией. В ходе так называемой Семи недельной войны прусские войска разгромили австрийцев. 3 июля в крупнейшей в этой войне битве при Садове (она же сражение при Кенигрце) австрийцы потерпели поражение. По заключенному по итогам войны Пражскому мирному договору Австрия передавала Пруссии Шлезвиг и Гольштейн, отказывалась от Венецианской области и пр. Война покончила с притязаниями Габсбургов на объединение мелких германских государств под своей короной.

Габсбургская монархия еще существовала, но находилась в отчаянном положении. Венгры вот-вот вновь готовы

были выступить с требованием о независимости.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Россия играла на славянском поле, крайне опасном для Габсбургов. Но столь же опасно оно было и для Венгрии — сепаратистские настроения чехов, хорватов, румын и др. крайне беспокоили венгерских латифундистов. Вена, заметив этот страх Пешта, начала подыгрывать сепаратистам. Премьер-министр Австрии граф Белькреди предложил Францу Иосифу преобразовать империю в равноправную федерацию, договорившись со знатью каждого национального региона. Всё это побудило деятелей венгерского национального движения во главе с Ференцем Деаком отказаться от курса на независимость и пойти на компромисс с Габсбургами. Результатом данного компромисса стало провозглашение в марте 1867 года Австро-Венгерской империи.

Страна была разделена на две части: австрийскую и венгерскую. Первая, австрийская, получила название Цислейтании (земли по эту сторону от реки Лейты), вторая, венгерская, — Транслейтании (земли по ту сторону от Лейты). Все коронные земли были поделены между ними. Венгрия получила значительную самостоятельность: лишь вопросы внешней, военно-морской и финансовой политики остались в ведении общеимперского правительства.

Галиция по результатам раздела оказалась в составе Цислейтании, то есть в австрийской части. Поляки продолжали давить на Вену, и к 1873 году Галиция стала фактически польской автономной провинцией. Давление поляков на русинов, соответственно, еще больше усилилось.

Русофилы

Несмотря на польский гнет, в эпоху после революции 1848 года русинское самосознание растет. Тут сказались и успехи революции — появились школы, где велось обучение на русинском языке. Со временем движение за самоидентификацию русинов приобретает всё более очевидную пророссийскую ориентацию. Русинских деятелей начинают называть русофилами.

С 1861 года русофилы издавали собственную газету «Слово».

Одной из важнейших вех развития русофильского движения считается статья отца Ивана Наумовича «Взгляд в будущее», опубликованная в «Слове» 27 июля 1866 года и ставшая манифестом русофильства (оно же москвофильство).

В своей статье Наумович заявлял, что австрийцы и поляки преследовали цель создать из русинов отдельную общность «рутенцов-униатов», позабыв о русском родстве: «Все усилия дипломатии и поляков сотворить из нас особый народ рутенцов-униатов оказались тщетными». Автор провозглашает родство населения находившихся под Габсбургами земель — не только Галиции, но и Закарпатья и Буковины — с Россией: «Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр., в отношении этнографическом, историческом, языковом, литературном, обрядовом, есть одна и та же самая Русь».

Наумович призывал всех русинов открыто заявить о своем родстве с Россией: «Время уже перейти наш Рубикон и сказать откровенно и вслух всем: Не можем отделиться китайской стеной от братьев наших и отказаться от... народной связи со всем русским миром! Мы не рутенцы 1848 года, мы настоящие русские!» Наумович так и пишет — не «русские», а именно «русские» с двумя «с».

Как могла быть напечатана эта статья? За две недели перед тем, 3 июля, австрийские войска как раз потерпели поражение

в битве при Садове, империи угрожал распад. В такой момент было не до цензуры. Наумовича же написать статью побудили слухи о том, что в Галицию направят Голуховского и что она будет превращена в польскую территорию. (Голуховский действительно вновь станет затем губернатором, и Галиция вскоре превратится по сути в польскую автономную провинцию.)

Манифест Наумовича стал сенсацией и вызвал резонанс по всей Европе: «Заявление И. Наумовича вызвало страшный фрик и шум не только в польских и немецких газетах в Австрии, но и в заграничной печати, в России, Франции и Германии», — писал в 1899 году москвофил Мончаловский.

Русинские идеологи делились в то время на «старых» и «новых».

Старых русофилов называли также «святоюрцами» (по названию львовского Собора св. Юра). Это была консервативная группа, достаточно лояльная к Габсбургам и с самого начала находившаяся под большим влиянием Рима и поляков из «Отеля Ламбер». Достаточно сказать, что одним из их лидеров был вышеупомянутый Ипполит Терлецкий. Как и следует из названия, «святоюрцы» почти все сплошь являлись грекокатолическими священниками. Они приняли участие в движении ритуального очищения униатства от позднейших католических наслоений.

Новые русофилы, то есть собственно русофилы, группировались вокруг таких фигур, как отец Наумович, и всё больше тяготели к Петербургу. Русофильское движение растет и к началу 1880-х годов становится наиболее популярным в Галиции.

В 1874 году появляется Общество содействия образованию имени Михаила Качковского, которым руководил отец Иван Наумович.

А в 1882 году русофильское движение будет разгромлено после заявления жителей галицкого села Гнилички во главе с отцом Наумовичем о намерении перейти в полном составе в православие. С такой просьбой отец Наумович публично обратился к правительству. Есть мнение, что данная акция была спровоцирована поляками, а Наумович поддержал ее лишь потому, что не желал бросать крестьян на растерзание властей. Как бы там ни было, австрийские власти воспользовались этим случаем по полной программе.

Публичный процесс, возбужденный Веной, получил название «дела Ольги Грабарь». Адольф Добрянский (лидер русинов Закарпатья), его дочь Ольга Грабарь, отец Наумович и другие были обвинены в государственной измене и сепаратизме. При этом приговоры показательно смягчили. Тюремный срок получил только Наумович — 8 месяцев. После выхода из тюрьмы его отлучили от грекокатолической церкви и вынудили уехать в Россию.

Но на этом всё не закончилось. «Дело Ольги Грабарь» стало сигналом к началу больших гонений на русинских деятелей. Не избежали гонения и «святоюрцы». Так, Вена потребовала и добила отставки митрополита Иосифа Сембратовича, возглавлявшего партию «святоюрцев», обвинив его в терпимости к русофильской пропаганде.

В том же 1882 году папа возьмет грекокатолическую церковь Галиции под свой личный контроль, а подготовку священников передаст в прямое ведение иезуитов (уже упоминавшаяся ранее Добромилская реформа василянских монастырей). Интересно, что иезуитам в проведении этой реформы помогал уже упоминавшийся выше орден воскресенцев, вообще активно действовавший в Галиции. К началу XX века русофилы будут изгнаны со всех ключевых позиций униатской церкви Галиции.

Одним из наиболее ярких москвофилов Галиции рубежа веков был уже упоминавшийся Осип Мончаловский. Мончаловский призывал русинов осваивать литературный русский язык и стремиться

к максимальному сближению с Россией. Он считал, что русинская культура не сможет развиваться без русской, так как часть не может существовать без целого: «Любя Украину как часть русской земли и русского национального организма, мы, однако, не можем и не должны ставить ее выше всей Руси, то есть ставить часть выше целого...»

Организованные русофильские группы были слабы, несмотря на поддержку населения. Процессы против русинов, желающих перейти в православие, продолжались. Возникли и дела с обвинениями в «измене». При этом политического представительства в Сейме русины не имели, а крайняя малочисленность русинских печатных изданий чрезвычайно осложняла пропаганду их идей.

Польские планы на русинов. Станчики

Огромную роль в жизни Галиции конца XIX — начала XX веков, а также в последующем формировании украинской идентичности сыграла группа под названием «Станчики».

Лидерами Станчиков были так называемые «молодые» краковские консерваторы Юзеф Шуйский, Станислав Тарновский, Станислав Козьян, Людвик Водзицкий. В группу эту также вошел вышеупомянутый Валериан Калинка. Станчики состояли в теснейших связях с «Отелем Ламбер».

Так, Тарновский и Козьян были его корреспондентами в Галиции. Калинка долгое время являлся секретарем Владислава Замойского, второго человека в «Отеле Ламбер» после Адама Чарторыйского. После смерти Адама Чарторыйского в 1861 году Калинка станет советником его сына и нового главы «Отеля Ламбер» — Витольда Чарторыйского. Среди лидеров Станчиков только Шуйский не прошел политическую школу «Отеля Ламбер». При этом Шуйский и Калинка уже на тот момент считались выдающимися польскими историками.

Считается, что создание этой группы и внедрение ее представителей в Галицию было важнейшим успехом «Отеля Ламбер». Примкнувшие к Станчикам польские аристократы (в том числе Голуховский) удерживали власть в регионе фактически вплоть до падения империи Габсбургов.

Летом 1869 года на страницах малоизвестного на тот момент краковского еженежесичника «Польское обозрение» (Przegląd Polski), редактором которого был Козьян, появляется так называемая «Папка Станчика». Это была переписка, якобы обнаруженная авторами памфлета в документах Станчика, — придворного шута польских королей, жившего в конце XV — середине XVI века. Надо сказать, что в Польше Станчик — фигура нарицательная, упоминаемая даже в хронике Мартина Кромера (XVI век), а незадолго до появления «Папки Станчика» его образ оживит художник Ян Матейко в своей картине «Станчик». В брошюре всё было странно: и упоминаемые в переписке города — Хаополис, Тигрысов, Гавроново, и не менее странные адресаты: «посланник Наполеон Баламуцкий», «политическая женщина Альдона» и др.

Сатирический характер документа откровенно бросался в глаза. Это было чем угодно, но только не перепиской XVI века... Авторами данной мистификации являлись Шуйский, Тарновский, Козьян и Водзицкий. Сама группа после этой литературной спецоперации получила название «Станчики».

Письма были как бы зашифрованным посланием. Но каким и кому?

В одном из писем утверждалось: «Галицкая политика потерпела такое фиаско в Хаополисе, что любой, кто

ВОЙНА ИДЕЙ

рискинет громко пропеть над ней requiem aeternam [«Вечный покой»], тут же услышит в ответ: in saecula saeculorum [«Во веки веков»]. Письма явно следовало трактовать так, что «Галилея» (тут должна была возникать ассоциация с евангельским сюжетом) — это Галиция, а «Хаополис» — Вена. Смысл указанной фразы был такой: надежды поляков получить свободу в Габсбургской монархии потерпели фиаско, но поляки не сдаются.

Череду неудачных восстаний в Галиции авторы писем высмеивали (в том числе мятежи холопов — а Галицийская резня всем еще хорошо помнилась), при этом явно намекая на возможность новых: «Какая бесценная... и доселе знакомая стихия — здешний холон! Таким образом, у нас здесь будет... одновременно и восстание, и социальная, не великая, но эффективная революция».

Основной смысл скрытого в «Папке Станчика» послания был следующим: группа консерваторов из Гавроново (gawroń по-польски — «грач», Гавроново — Грачово, то есть Краков) и стоящий за ними «Отец Ламбер» предлагают Хаополису (Вене) решить проблемы в Тигрысове (tygrus по-польски — «тигр», Тигрысов — это Львов) и Галилее (Галиции) в целом. Под проблемами понимались, во-первых, проблема польских восстаний. А во-вторых, проблема русофильства русинов. В тексте Хаополис непрерывно страдают москалями. В обмен группа обещала Габсбургам лояльность.

Сигнал был услышан в Вене. С 70-х годов XIX века регион постепенно де-факто становится польской автономией. При этом Станчики занимали ключевые посты в галицийской администрации и доминировали в польской фракции Рейхсрата.

Станчики воцаряются и в Геллонском университете Кракова: уже в 1869 году, в год опубликования брошюры, Шуйский становится профессором университета и возглавляет в нем кафедру истории. И он, и Тарновский в разное время будут исполнять обязанности ректора этого университета.

В Геллонском университете Станчики не теряют времени даром и создают совершенно новую концепцию польской истории. Центральный ее пункт касался понимания причин катастрофы польской государственности. В развале Польши, считали Станчики, виноваты не злые внешние силы, а сами поляки — они и должны нести полноту ответственности за все беды, и только таким путем Польша будет восстановлена. «Великая истина состоит в том, что если народ как государство пал, то по собственной вине, если восстанет, то своим трудом, своим разумом, своим духом», — писал Шуйский еще в 1867 году в своей брошюре «Несколько истин из нашей истории», идеи которой предварили «Папку Станчика».

Станчики внимательно изучали «ошибки нации», приведшие к потере Польши, — в государственном и общественном устройстве, в народных традициях, в повадках шляхты. Кстати, одной из причин поражения Польши Станчики называли традиционное неуважение дворянства к центральной власти — пресловутую шляхетскую спесь.

Деятельной концепции Станчиков противостояла мессианская концепция поэта Адама Мицкевича — концепция Польши как Христа народов, призванной своими страданиями, то есть безгосударственным состоянием, спасти и освободить народы всего мира. Несмотря на популярность фигуры Мицкевича, в Галиции концепция Станчиков возобладала.

С 1870 года издание «Время» (Czas) становится главным рупором Станчиков в Галиции. Их концепцию популяризирует и писатель Генрик Сенкевич в своей исторической трилогии «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский». При создании

трилогии Сенкевич во многом ориентировался на свою переписку с Тарновским. И именно «Время» Станчиков впервые опубликует трилогию Сенкевича.

Важнейшей задачей этой группы становится разработка мифа об украинстве. Фактически Станчики придали научную респектабельность идеологемам поляков Чайковского, Духинского и др., поместив их в корпус своих текстов по истории Польши.

О методах развития украинского мифа Тарновский писал еще в 1866 году: «Здесь, в Галиции, следует нам не истреблять, а выращивать и культивировать русскую национальность, а скрепится она над Днепром. Здесь, во Львове, надо позволить ей развиваться, и вскоре она будет втягивать в себя соки Волыни, Подоля и Украины. <...> Русью будет, но Русью, братской Польше, и одному делу с ней посвященной».

Краковская школа также задействовала миф о Польше как о «последнем оплоте», или «антемурале» (от лат. ante — до, pugnale — стена) западной цивилизации. Изначально поляки изображали в виде такого «антемурала» Польшу, призванную оградить западный мир от диких москалей. Миф этот развивали многие польские публицисты и литераторы. Наиболее яростную русофобскую форму он приобрел в работах Франтишека Духинского, одного из основателей «украинского отдела» «Отеца Ламбера». В версии Станчиков, этих духовных сыновей Духинского, оплотом европейской цивилизации должна была стать не возрожденная Польша, а поляки Галиции (по сути шляхта) под управлением Габсбургов, чьей миссией объявлялось спасение Европы и католицизма от восточных орд. «Поляки, мы стоим сегодня за Австрию, потому что Австрия для нас это не династия, которая нами правит... Австрия для нас это дело народов центральной Европы, дело западной цивилизации, которой мы всегда служить обязаны», — провозглашал Шуйский с трибуны Галицкого сейма в 1868 году.

Соглашательство с Габсбургами Станчики называли «органической работой» — то есть последовательным осу-

ществлением польского дела. Всех же, кто был против такого компромисса, Станчики именовали пособниками москалей: «Тот, кто сегодня выступает против курса на сближение поляков с Австрией, против курса органической работы... встает непосредственно на сторону Москвы, намеренно или нет», — писал Шуйский в своих «Нескольких истинах из нашей истории» и объявлял соглашателей «не только польскими, но и настоящими австрийскими патриотами».

Собственно, концепция «органической работы» под скипетром Габсбургов и была концепцией «польского Пьемонта» — причем в данном проекте галицийская автономия призвана была скрытно вынашивать будущую польскую государственность. Эта концепция вскоре будет адаптирована поляками для проекта украинства, и возникнет тема «украинского Пьемонта» — название, часто упоминавшееся в то время в трактатах об Украине.

Из среды Станчиков выйдет в том числе Михаил Бобжинский, последний губернатор Галиции, занимавший этот пост с 1908 года. Бобжинский — автор трудов по истории в духе краковской школы, тесно сотрудничавший с украинизатором Михаилом Грушевским.

Станчики предлагали Габсбургам стать посредниками между ними и русинами, обуздать русинов и повернуть их против Москвы. Но для этого самим полякам нужно было завоевать хотя бы относительное доверие русинов. Поляки действовали осторожно, понимая, что из ненависти в один момент не родится любовь. Их рецепт был прост: разжечь хотя бы в части русинов так сильно антимоскальские настроения, чтобы в итоге эти настроения затмили ненависть к полякам и русины согласились бы на дружбу с ними. И в конце концов этот план удался.

Тарновский пугал русинов «москальской» угрозой: «Если он (москаль. — Авт.) добьется своего, то в конце не будет на Руси ни поляков, ни русинов, а только россияне и Россия». Также открыто Тарновский предлагал русинам объединиться с поляками против общего врага: «Если мы, и одни [поляки], и другие [русини], хотим жить и остаться на своей земле,

при своей вере, своем языке, своих правах, то должны поддерживать друг друга, помогать друг другу, а не смотреть друг на друга, как на врагов. <...> Мы, поляки, с чистой совестью можем сказать о себе, что русина, который является искренним католиком и не имеет к нам ненависти, всегда готовы любить, как брата».

Примем во внимание, что в этот период отношения между Петербургом и Венной были крайне напряженными. Уже к 70-м годам XIX века в высших кругах и Австро-Венгерской, и Российской империй всерьез обсуждалась вероятность войны между двумя странами. Так, в 1870 году граф Андраши, ведущий государственный деятель Венгрии и будущий министр иностранных дел Австро-Венгрии, утверждал: «Подобно каждому человеку в Венгрии, я считаю столкновение Австро-Венгрии и России неминуемым». А Сергей Сазонов, который в 1910–1916 годах будет министром иностранных дел Российской империи, в своих воспоминаниях отмечал: «Относительно чувств к нам Австрии, мы, со времен Крымской войны, не могли питать никаких заблуждений. Со дня ее вступления на путь балканских захватов (имеется в виду оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 году. — Авт.), которыми она надеялась подпереть расшатанное строение своей несущей государственности, отношения ее к нам принимали всё менее дружелюбный характер».

В этой ситуации для Габсбургов иметь на своих окраинах, на границах с Россией, прорусский регион было крайне опасно. Это обстоятельство значительно повлияло на заключение «станчишко-габсбургского» компромисса и на ставку австрийцев на развитие народоносного движения.

Народовцы

В начале 1860-х годов появляется так называемое народоносное движение. Его участники будут постепенно расходиться с русофилами и становиться украинофилами.

Продолжение на стр. 14

Ян Матейко. Станчик. 1862

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–13

У истока народовского движения стояли члены киевского Кирилло-Мефодиевского братства (оно же Кирилло-Мефодиевское общество) — первые украинизаторы Малороссии. Кирилло-Мефодиевское братство возникло под непосредственным влиянием «Отеля Ламбер». Интересно, что в апреле 1847 года в ходе следствия по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве сотрудники петербургского Третьего отделения (политической полиции) указывают в своих выводах, что идея его членов о соединении славян не нова, что ее же разделяют находящиеся за границей польские эмигранты и что «в Париже душой и руководителем этого замысла» является Адам Чарторыйский. Чуть позже, в мае, сотрудники Третьего отделения вновь подчеркнут в докладе своему шефу Алексею Орлову, что за распространением панславизма, в том числе украинофильства, стоят поляки Чарторыйского. А также укажут на Михаила Чайковского как на главного эмиссара этой группы в Константинополе. Ключевую роль группы Чарторыйского в формировании идеологии Кирилло-Мефодиевского братства отмечает и историк «Отеля Ламбер» Марцели Гандельсман.

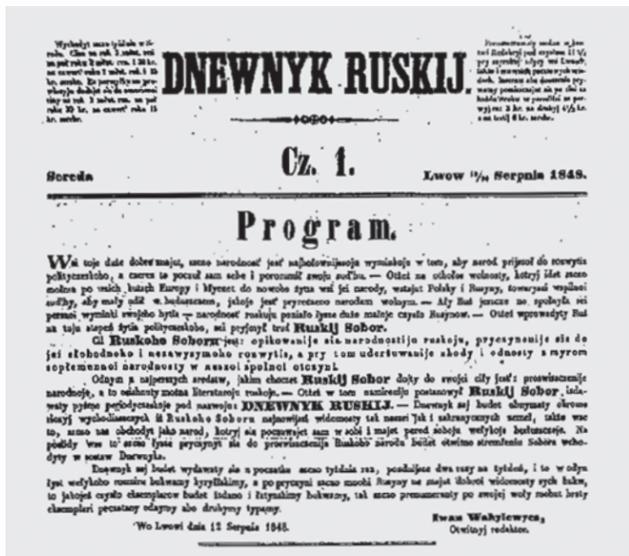
По одной из версий, Чайковский передал членам Кирилло-Мефодиевского братства «Книги народа польского и польского пилигримства» Адама Мицкевича — центральный для польского мессианства труд, популярно излагавший панславистскую идеологию «Отеля Ламбер». Книга эта была переведена на украинский, по всей видимости, историком Николаем Костомаровым. Возникшая в результате «Книга бытия украинского народа» стала манифестом Кирилло-Мефодиевского братства. Версию о переводе с польского и о том, что «Книга бытия украинского народа» связана, помимо Мицкевича, с Чайковским, Залеским и другими представителями «украинской школы» польской литературы, на следствии над членами Кирилло-Мефодиевского братства подтвердил Костомаров. Добавим, что перевод был почти буквальным, при том что «Польша» в украинской книге была заменена на «Украину». Сегодня на Украине «Книга бытия украинского народа» считается манифестом украинского мессианства.

Примечательно, что широкая общественность Галиции узнала о Кирилло-Мефодиевском братстве стараниями пропольской русинской партии. Так, в октябре 1848 года в газете «Дневник русский» (*Dziennik Ruski*) в статье под названием «Слово о Руси и ее политической позиции» арестованные члены Кирилло-Мефодиевского братства объявлялись «мучениками народными». Издавала газету пропольская русинская организация Руський собор, тесно связанная с «Отелем Ламбер». Редактором издания был вышеупомянутый член Руськой троицы Иван Вагилевич. Кстати сказать, публиковался «Дневник русский» на абecedо, лишь часть тиража печаталась кириллицей.

Широким распространением в Галиции идей Кирилло-Мефодиевского братства десять лет спустя займутся народовцы. В новое движение вошли Владимир Шашкевич (сын Маркиана Шашкевича), братья Владимир и Александр Барвинские, Остап Терлецкий (не путать с Ипполитом Терлецким), Иван Франко, Анаголь Вахнянин, Юлиан Романчук и другие.

Важнейшим делом наследников Кирилло-Мефодиевского братства стало привнесение в Галицию культа Тараса Шевченко. Руськая троица познакомилась с его стихами уже в 1845 году. Но во Львове поначалу о поэте знали считанные единицы. По-настоящему Галиция узнала Шевченко только после его смерти в 1861 году благодаря народовцам.

Социальной базой народовцев стала светская молодежь в городах Галиции — Львове, Перемышле, Станиславе, Дрогобыче. Фигура Шевченко («Кобзаря») была очень удобна польской эмиграции, осуществлявшей контакты между Киевом и Львовом, поскольку заодно можно было внедрить миф о казачестве, разработанный «Отелем Ламбер».

Первый номер «Дневника русского» со вступительным словом Вагилевича. Август 1848

Миф этот вкратце строился вокруг следующих тезисов.

- 1) Русские — это казаки (тезис, введенный еще в XVII веке упоминавшимся выше французом Бопланом).
- 2) Казаки — это русские рыцари (ту-манские намеки на это есть у другого француза, служившего в XVII веке в Польше, — Пьера Шевалье; Энгель сравнивал Запорожскую сечь с Мальтийским орденом; широко же миф о рыцарях-казаках ввела и распространила «украинская школа» польского романтизма — Чайковский, Гравовский и другие). Каким бы смехотворным ни казался этот миф, он является центральным элементом всей конструкции, ведь рыцарские ордена в сознании тогдашнего европейца были последним оплотом Запада. Так казачество превращалось в «антемурал».
- 3) Казаки сокрушили могущество Польши (этот тезис есть у Боплана, его развивает «украинская школа» и, впоследствии, — Станчики).

Ну и, наконец...

- 4) Москали — это не казаки и вообще не русские. Казачье украинское «государство» издавна противостояло «татарской Москве».
- Казацкий миф играл важную роль в размежевании народовцев с русофилами. Как указывает Дж.-П. Химка, «в центре исторического мифа украинофилов находился казацкий период; хотя Галицкая Русь не была казацкой территорией, этот миф был важен потому, что он одновременно выражал солидарность с украинским народом Левобережья и Правобережья и подпитывал продолжающуюся борьбу с поляками. Для русофилов центральным историческим опытом было существование Киевской Руси, которая объединила всех восточных славян и в которой Галицкое княжество играло видную роль».

Как отмечал Иван Франко, «мода на казачество», на «казаков, которые являются собой идеал рыцарства», начавшись во Львове, «как эпидемия» охватила всю Галицию.

Другой видный украинофил Остап Терлецкий, вспоминая свои первые шаги в народовском движении, писал о том, что «громкая Муза» Тараса Шевченко «как клещами, тянула к себе, и все мы тогда заделались горячими хлопоманами». И добавлял: «Даже удивительно вспомнить, как одна газета, несколько книжечек вмиг перевернули всё наше мировоззрение вверх ногами и совершили революцию в наших головах». Под «одной газетой» имелась в виду народовская «Вечерница», которая перепечатывала выходившую в Петербурге в 1861–1862 годах «Основу», рупор идей

кирилло-мефодиевцев, в том числе работы вышеупомянутого историка Николая Костомарова.

Вообще, Кирилло-Мефодиевское общество было настоящей находкой для поляков, поскольку из рук последних украинскую идею русины не восприняли бы, а вот от неполяков и потенциальных «братьев» из Киева — да. Отметим, что тираж «Вечерницы» был всего лишь 900 экземпляров, что показывает, насколько небольшой маргинальной группой были тогда народовцы в Галиции. Группа эта сумела оседлать нацио-

нальное движение исключительно и только благодаря вмешательству внешних сил — поляков и австрийцев.

В 1867 году народовцы основывают журнал «Правда». А в 1868 году возникает народовское (позднее — украинское) общество «Просвита» («Просвещение»).

В 1880 году появляется газета «Дело». Наряду с Шевченко кумиром народовской молодежи становится другой член Кирилло-Мефодиевского братства — Пантелеймон Кулиш. Как отмечал Франко, «Кулиш был главным двигателем украинофильского движения в Галиции в 1860-х и почти до половины 1870-х годов». Тут важны были не столько произведения Кулиша, сколько предложенное им правописание, получившее по имени создателя название кулишовки. Кулишовка максимально уводила от русского литературного письма. В ней часто употреблялись буквы «і» и «е», «ы» не использовалась и т. д. Переход народовцев на кулишовку окончательно расколол русинов. «Можно было, быстро взглянув на газету, понять, к какой ориентации она принадлежит, потому что украинофильские издания обычно использовали фонетическую орфографию, разработанную украинским писателем Пантелеймоном Кулишем, в то время как русофильские публикации использовали этимологическую орфографию», — указывает Химка.

Русофилы прекрасно понимали, что в формировании движения народовцев приняли активное участие поляки. В Галиции, по рассказу Шевченко, ему говорили, что украинофильствующая литература является «польской интригой». Обвинение это было отнюдь не безосновательным. Как отмечает Химка, народовцы «в политике выступали за союз с польской демократией против немецкого централизма». Таким образом, Станчики и их союзники сумели запудрить народовцам мозги, выставляя себя, когда было надо, смлой, враждебной австрийцам.

Украинофилы. Украинцы

Дальнейшее развитие народовское движение получило в начале 1880-х годов — как раз тогда, когда был нанесен сокрушительный удар и по «святоюрцам», и по русофилам в целом.

Часть нового поколения народовцев, которые вскоре начнут называть себя украинофилами, а позже просто украинцами, стала выступать под социал-демократическими флагами. Наиболее яркими представителями этого движения были Иван Франко, Остап Терлецкий, Евгений Левицкий, Владимир Охримович и другие. В 1890 году они создадут социал-демократическую Русько-украинскую радикальную партию. История этого движения показала, что социал-демократия была лишь удобной

оберткой для возвращения перегретого национализма.

Кумиром данной группы был еще один украинизатор из Киева Михаил Драгоманов, который не только определил социал-демократическую направленность группы, но и начал прямую украинизацию. В 1871 году в Вене Драгоманов познакомился с галицийскими студентами-народовцами. По мнению такого знатока данного вопроса, как уже упоминавшийся украинизатор начала XX века Михаил Грушевский, именно эта встреча «положила начало новым, живым и непосредственным отношениям между украинцами и Галичиной». Обратим внимание, что Грушевский считал на тот момент украинцами только группу в Киеве, но не в Галиции — в Галиции украинофилов еще предстояло вырастить, и сам Грушевский этому сильно поспособствует.

Одним из новых знакомых Драгоманова в Вене стал Мелитон Бучинский из Станиславова. Между ними завязалась переписка. В ней Драгоманов излагал украинские идеи, а сама переписка ходила по рукам университетской молодежи в Вене, Станиславе и Львове. Сам же Драгоманов посетил Львов в 1873 году.

Наибольшим успехом стала переориентация на Драгоманова и его идеи русофильского «академического кружка» Львовского университета. В середине 1870-х годов труды Драгоманова будут читать и Иван Франко.

Драгоманов познакомил с Бучинским и галицийскими народовцами своего соратника, историка из Киевского университета Владимира Антоновича, создателя украинской школы историографии и учителя Грушевского. И когда в 1880 году Антоновича отправят в принудительное годовое заграничное путешествие за пропаганду украинства в Киеве, то он посетит Львов.

Драгоманов, Антонович и их сподвижники поставили своей задачей разработать в Киевском университете «научную версию» украинской истории. Драгоманов писал: «Наибольшая слабость украинского движения состоит в том, что оно мало опиралось на науку. Этого-то ради, т. е. рассудивши, что науку никто и удартить не посмеет, а она своего добьется, мы и решили обратиться на чисто научную дорогу». Надо ли говорить, что свои «академические» наработки они тут же из Киева переправляли в Галицию?

В 1894 году австрийцы официально пригласят Грушевского распространять украинство в Галиции, сделав его профессором истории Львовского университета. Грушевский в статьях и с университетской кафедры вещал — причем на «украинском» — о «Галицийской Украине», «австрийской Украине-Руси» и «украинцах-русских». Польские издания, находившиеся в оппозиции к Станчикам, клеймили Грушевского за попытку «связать нынешних русинов с традициями украинских казаков и гайдамаков». Однако именно стараниями Грушевского слово «украинец» станет общепринятым самоназванием у народовцев, а «Украина» — именем «утерянной родины».

Грушевский привнес в использовавшуюся им «мову» обилие галицизмов и полонизмов, которые с тех пор прочно закрепятся в украинском языке.

В 1897 году Грушевский становится главой львовского «Научного общества имени Шевченко», сменив на этом посту вышеупомянутого Александра Барвинского. «Общество» было создано во Львове в 1873 году как центр украинизации. На страницах «Записок Научного общества имени Шевченко» Грушевский развернул свою квазиисторическую концепцию украинской истории.

Во Львове Грушевский сотрудничает с тогдашним главой местных украинофилов Франко. С 1898 года они совместно издадут журнал для широкой публики

ВОЙНА ИДЕЙ

«Литературно-научный вестник», ставший наряду с «Записками» одним из главных инструментов украинизации. (После Первой мировой войны «Литературно-научный вестник» будет возрожден Дмитрием Донцовым и превращен в рупор его фашистских идей, положенных в концептуальную основу бандеровского движения).

С 1904 года Грушевский и Франко открывают во Львове летнюю школу для украинских студентов из России: Грушевский преподает в ней историю «Украины-Руси», а Франко — украинскую литературу.

В статье «Галиция и Украина», вышедшей в 1906 году, Грушевский требовал немедленно сократить расстояние между малороссами и русинами, предостерегая, что если этого не сделать сейчас, то через 20 лет возникнет два совершенно разных этноса, как сербы и хорваты, что будет для Галиции, подчеркивал Грушевский, «началом агонии». «В еще более тесном сближении с Украиной... лежит интерес самой Галичины, залог ее будущего, ее освобождения от нынешней нужды и неволи», — утверждал он.

Надо отметить, что киевской группе — Драгоманову, Антоновичу и Грушевскому — удалось-таки создать в головах окормляемой ими галицийской молодежи миф о киевской земле обетованной, об этой Ultima Thule, где — под русским гнетом — живут истинные украинцы.

Поэтому реальный Киев весьма разочарует видного украинофила Евгения Олесницкого, когда ему случится побывать там в 1894 году: «Внешний облик Киева был тогда не украинским, а московским. <...> По-украински говорил то тут, то там какой-нибудь крестьянин, приехавший из села, или какой-нибудь убогий рабочий. <...> Это подорвало мою веру в силу и будущность Украины. — Где та Украина, где тот народ, к которому обращены наши надежды и на котором мы основываем наш национальный идеал?» — восклицал он.

Такое разочарование не помешало Олесницкому в 1912 году совершить по заданию австрийских властей поездку в Россию. Он был в Петербурге, в Москве, а дольше всего в Киеве и собрал у местных украинцев ценную информацию об «украинском деле на территории России». После возвращения Олесницкий побывал в Австрии на тайной конференции и составил записку «про украинскую проблему в Австрии и России». После чего он имел личную встречу с самим наследником Австро-Венгерской империи Францем Фердинандом, тем самым, чье убийство станет поводом к началу Первой мировой войны. Наследник прочитал записку и долго говорил с Олесницким. Темой разговора стало это самое «украинское дело» — «во всей его ширине и глубине».

Вообще тема австрийского участия в украинизации Галиции вполне обсуждается западными историками. К примеру, уже упоминавшийся американско-канадский историк русино-венгерского происхождения П. Р. Магочи прямо называет украинофилов «галицко-украинскими австрофилами». Он объясняет, почему Вена ввязалась в сомнительный украинский проект: «Габсбурги были рады поощрить группу людей в пределах границ Австрии, чья исключительная украинская идентичность по определению защитила бы их одновременно как от внешнего русского, так и от внутреннего польского ирредентизма». Магочи уточняет, что украинская идентичность «позволяла быть одновременно украинским патриотом и лояльным подданным Габсбургов». И подчеркивает, что такая «комбинация оказалась взаимовыгодной для обеих сторон».

Другой исследователь, также уже упоминавшийся Дж.-П. Химка, представитель украинской диаспоры Канады, подчерки-

Киев. Нижний Вал. 1890-е

вает, что «решающим фактором победы украинофильства в Галицкой Руси было австрийское государство». Он указывает, что после 1882 года, то есть после дела Ольги Грабарь, «Австрия сделала сознательный выбор в пользу украинцев». Причины, по которым Габсбурги поддержали украинизаторов, Химка объясняет, во-первых, тем, что «русофильство было польным, радикальным разрывом с польским прошлым... Украинофильство не шло так далеко». А, во-вторых, указывает Химка, «австрийское государство в конце концов осознало, что украинское движение может стать союзником в борьбе с Россией и теми, кто ее поддерживает среди русинов».

Соглашатели. «Новая эра»

Что касается поляков, то и они были не против появления во Львове киевских энтузиастов-украинизаторов. Украинизация, считали они, способствует отрыву русинов от России. Связи группы Антонович — Драгоманов — Грушевский с поляками особо и не скрывались.

Тут нельзя не упомянуть фигуру польского ксендза Валериана Калинки. Калинка являлся главой вышеупомянутого ордена воскресенцев в Галиции. При общине ордена воскресенцев во Львове существовал интернат, где ученики-русины воспитывались в антимоскальском духе.

Антонович познакомился с Калинкой во время своего визита во Львов в 1880 году. В начале 1880-х годов Антонович посещает интернат воскресенцев и общается с Калинкой. Жена Антоновича Екатерина Мельник-Антонович вспоминала, что после этого визита ее муж убедился, что «воскресенцы действительно проводят в жизнь и воспитание своих учеников хоть и клерикальные, но искренние и крепкие национальные устои для борьбы с московско-обрусительским течением...»

Сам Калинка в 1884 году на заседании воскресенцев во львовском интернате рассказал, что среди светской интеллигенции Львова есть некая группа, названная им «третьим лагерем», которая со временем убедилась, что интернат воскресенцев может быть полезен украинскому делу. Калинка так описал отношение этой группы к воскресенцам: «Если воскресенцы будут поставят нам таких (образованных. — Авт.) людей, тем нам лучше... А если та молодежь переймет от воскресенцев немного польских понятий, немного польского обычая и даже проникнется римским духом, это будет не надолго; сможем ее переделать, когда попадет к нам; добрая русская кровь отзовется в них. Так пусть себе воскресенцы ведут свое учреждение; это вода на нашу мельницу».

Представители «третьего лагеря», по словам Калинки, решили, что публично будут держаться по отношению к интернату сдержанно, но всерьез мешать не будут: «Одним словом, держаться будут пассивно и терпеть, немного препятствовать, но не слишком, — вот взгляд этого лагеря».

Надо учесть, что в 1880-е годы украинофилам, полякам и галицийским русинам было не так просто публично договориться. Поляки слишком долго уверяли, что галицко-русский говор есть всего лишь наречие польского образованного языка. Для утверждения этой мысли ими использовалось емкое выражение «Niema Rusi!» что означало «Руси нет!».

В 1883 году киевская организация «Старая громада», в которую входили Антонович и Драгоманов, вела жаркие дебаты о возможности союза между украинофилами, поляками и Веней. И это соглашение было достигнуто.

Один из членов «Старой громады» Александр Конисский писал в связи с этим спустя три года во Львов вышеупомянутому Александру Барвинскому — основному контактеру Антоновича, помогавшему ему договариваться с поляками Галиции: «Вот если бы был жив Костомаров, то я бы у него выиграл спор (спор о возможности союза между русинами и поляками состоялся между Конисским и Костомаровым в 1881 году. — Авт.)... Мы побились об заклад: за 10 лет договорятся русины с поляками, или поляки так и продолжат кричать «Niema Rusi!» Он уверял, что на это и 20 лет мало».

Тогда же «Громада» начала обсуждать в том числе привезенный Антоновичем вышеупомянутый концепт «украинского Пьемонта». Происходили эти обсуждения с подачи «Отеля Ламбер», который перед тем уже разработал концепцию «польского Пьемонта», а затем и «галицийского Пьемонта».

Между украинофилами и поляками было заметно всё большее сближение, причем в контактах участвовали и деятели, публично не допускаящие союза с поляками, такие как Иван Франко. Так, в 1885 году во время очередной поездки во Львов Антонович встречается с лидерами украинского общества «Просвита» Юлианом Романчуком и Анатодем Вахнянином и предлагает им вступить в союз с поляками. По данным биографа Калинки Ежи Мрувчинского, на встрече присутствовал и еще один член «Просвиты» — Франко.

Официально о соглашении, заключенном украинофилами Галиции (в лице Барвинского и Романчука) с консервативной польской партией в Галиции (Станчиками) и официальной Веней, было объявлено только в ноябре 1890 года на Галицком краевом сейме. Соглашение это получило название «Новая эра». А посредником тогда выступал не кто иной, как тот же Антонович. Добавим, что именно в рамках «Новой эры» Грушевский был назначен профессором истории Львовского университета, где он преподавал на украинском языке. Итак, «Новая эра» открывает эпоху, когда контакты между украинофилами, поляками и Габсбургами уже перестают скрываться.

Тогда же, в 1890 году, вышеупомянутые лидеры украинской «Просвиты» Романчук и Вахнянин на заседании Галицкого сейма заявили этноним «украинец». Они утверждали, что все русины являются украинцами и ничего общего с русскими якобы не имеют. Впервые такое заявление прозвучало с австро-венгерской парламентской трибуны.

Не все украинофилы публично приняли «Новую эру». Так, Франко и Русько-украинская радикальная партия в целом публично откредитовались от соглашения. Но был ли на самом деле украинофил Франко непримиримым противником поляков?

К примеру, когда Франко стало известно, что воскресенцы собираются открыть интернат во Львове, то он начал громить их в своих публикациях как врагов русинов, разоблачая их связи с иезуитами. Франко заявлял, что воскресенцы преследуют цель воспитать из русинов «религиозных фанатиков и бездушные снаряды в руках римских начальников».

Умерить пыл Франко взялся еще один член «Отеля Ламбер», проживавший в Галиции, — Роман Чарторыйский. Чарторыйский, по воспоминаниям Франко, объяснил ему, что с Калинкой лучше дружить, и даже дал ему к Калинке рекомендательное письмо. Более того, по протекции Чарторыйского Франко посетил интернат воскресенцев и имел там длинную беседу с Калинкой, после которой переменил свое мнение. После этого визита он прекратил публичную критику воскресенцев. Своим соратникам же Франко, по воспоминаниям, говорил по поводу воскресенцев: «В нашей убогой атмосфере интернат — это настоящее благодеяние для нас, ведь он воспитывает настоящих русинов, а что они будут католиками, то нам не повредит».

То, что социал-демократ, радикал и атеист Франко пошел на сговор с католиками-воскресенцами, более чем ярко показывает, что социал-демократия для учеников Драгоманова была лишь удобной оберткой украинского национализма. Сутью же был именно национализм.

Конец империи Габсбургов — и продолжение украинства

Грушевский и его соратники усердно пестовали украинский радикализм — и вскоре этот радикализм заявит о себе.

В 1908 году молодой украинофил, студент Львовского университета Мирослав Сичинский убил выстрелом в упор из пистолета наместника Галиции Анджее Казимира Поточкого. Венская пресса пи-

Продолжение на стр. 16

И. Франко и М. Грушевский с участниками научных курсов во Львове. 1904

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–15

сала на следующий день о «кипящей национальной ненависти», породившей преступление, «не имеющее прецедента в истории Австрии». В Вене в случившемся усматривали русское влияние: «Это не по-австрийски, а по-русски», «этот поступок, бессмысленная копия российской пропаганды, был доставлен в Австрию».

Между тем во Львове появился плакат: «Распространяющееся сообщение о том, что убийца вице-короля был русином, должно быть объявлено лживым и ложным. Убийца Сичинский — типичный украинский варвар».

В феврале 1914 года, когда в воздухе уже пахло войной, Габсбурги вновь решили заручиться поддержкой русинов. При посредничестве митрополита Шептицкого поляки и русины договорились о разделе власти в регионе. Русином гарантировали 62 места в Сейме из 228. Стоит ли уточнять, что в Сейм выдвигали украинофилов, а москвофилов всячески отодвигали?..

Украинству в Австро-Венгрии активно проворительствовали наследник престола Франц Фердинанд и военное министерство.

В 1910 году в замке Франца Фердинанда Конопинште состоялось тайное совещание, на котором присутствовал сам эрцгерцог, а также деятели украинского движения из Галиции и Малороссии: Евгений Олесницкий, митрополит Андрей Шептицкий, Евгений Чикаленко, Николай Михновский.

Это совещание по «украинскому» вопросу было отнюдь не единственным. Так, в конце июля 1914 года состоялось еще одно высокое секретное совещание. На нем опять же присутствовал митрополит Андрей Шептицкий, которому было поручено подготовить и переслать австрийскому и немецкому правительствам рекомендации по их будущей политике в отторгнутой, буде такое случится, у России Малороссии.

Австро-Венгрия всерьез готовилась к такому отторжению от России Малороссии. Рассматривалась, например, кандидатура будущего «короля» оккупированной Украины — эрцгерцога Вильгельма Габсбурга.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В течение нескольких дней в нее были втянуты крупнейшие мировые державы. Началась Первая мировая война.

15 августа митрополит Шептицкий, которому, как уже было сказано, поручили передать австрийцам и немцам предложения по политике в Малороссии, передал записку в австрийское министерство иностранных дел. В этой записке предлагалось: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, мы должны будем решать тройную задачу — военной, общественно-правовой и церковной организации края... [Нужно] при любой возможности как можно более радикально отделить эти области от России, чтобы отчеканить на них симпатичный для населения характер независимой от России, чуждой царской империи национальной территории».

Но уже 31 августа 1914 года барон Гизль, представитель австрийского министерства иностранных дел при верховном командовании, после переговоров с лидерами украинских организаций во Львове сообщил в МИД: «Украинофильское дви-

Пытки русинов в австро-венгерском концлагере Талергоф во время Первой мировой

жение среди населения не имеет почвы — есть только вожди без партий».

В одном из последующих сообщений Гизль назвал галицийское украинство «исключительно теоретической конструкцией политиков».

После же вхождения русской армии на территорию Галиции Гизль сообщил руководству о массовом переходе русинов на сторону русских войск. В результате такого перехода австрийская армия оказалась, по выражению Гизля, «брошена на произвол судьбы».

Австрийский главнокомандующий эрцгерцог Фридрих в докладной записке императору Францу Иосифу вынужден был признать, что русские войска воспринимаются русинами как освободители, и что русские могут «рассчитывать на полную поддержку» со стороны местного населения.

Характерны также послевоенные воспоминания заместителя главы австрийской военной разведки Максимилиана Ронге, рассказывавшего об отношении местного русинского населения к австрийским войскам: «Мы очутились перед враждебностью, которая не снилась даже пессимистам».

Во время войны русины за поддержку русских подверглись жестоким репрессиям со стороны австрийских властей, в ходе которых была уничтожена почти вся русофильская интеллигенция и многие тысячи крестьян. Арестовывали русинов по заранее подготовленным спискам, любезно предоставлявшимся австрийским властям соседями-украинцами.

В августе 1914 года на фоне наступления русских войск в Галиции начались массовые расправы на местах. «В отместку за свои неудачи на русском фронте улетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревьям тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, — вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими. Галицкая Русь превратилась в исполн-

скую страшную Голгофу...» — вспоминал позже в эмиграции в США композитор Илья Терох.

Выживших русинов бросали гнить в концентрационные лагеря, среди которых наиболее страшными были Талергоф и Терезин. С заключенными обращались как со скотом — узники гибли от повальных эпидемий, их жестоко пытали и убивали за малейшую провинность. «За Талергофом утвердилось раз и навсегда название немецкой пресподней. <...> До зимы 1915 года в Талергофе не было барачков. Люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз. <...> Грязь являлась лучшей почвой и обильной пищей для неисчислимых насекомых. <...> Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек просто загрызли вши», — вспоминал писатель Василий Ваврик, сам бывший узником Талергофа.

Явная поддержка русинами российской армии побудила австрийских политиков еще активнее строить на случай победы в войне планы по развалу России и построению на ее обломках «независимого» (а на самом деле, конечно же, зависимого от них) украинского государства. Не зря же в противовес естественной русофилии русинов они так долго вскармливали украинофилов! Так, еще в ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Леопольд фон Берхтольд заявлял, что «главная цель в этой войне состоит в долгосрочном ослаблении России, и поэтому, на случай нашей победы, мы приступим к созданию

независимого от России Украинского государства».

Несмотря на успешное начало войны, русские войска летом-осенью 1915 года вынуждены были отступить с территории Галиции.

Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне привело в 1918 году к ее полному и окончательному распаду. Таким образом, столь долго разрабатываемым австрийцами планам не суждено было осуществиться.

Хаос, возникший после Февральской революции 1917 года в России, спровоцировал выступления националистов на начавших откалываться окраинах. В 1917–1918 годах появились Украинская народная республика (УНР) и Западно-Украинская народная республика (ЗУНР). В 1918 году УНР была ликвидирована гетманом Павлом Скоропадским, а на ее территории создана «союзная» с Германией и Австрией «Украинская держава». Вскоре однако держава Скоропадского также перестала существовать, а на ее месте вновь возникла УНР. 22 января 1919 года УНР и ЗУНР даже провозгласили «сборную Украину». Но вскоре все эти квазигосударственные образования исчезли с карты мира.

В конце концов, в результате военных действий 1918–1921 годов и последующего передела территорий по итогам трех войн — Первой мировой, Гражданской и советско-польской, — Галиция и западная часть Волыни оказались в составе Польши, Буковина отошла к Румынии, а Закарпатье — к Чехословакии.

Что касается австрийской элиты, то она не только сохранилась, но и продолжила политическую деятельность на европейском уровне. Так, номинальный «кронпринц» Отто фон Габсбург, сын последнего императора Карла I, на протяжении долгих лет будет активно участвовать в европейской политике.

А главное, сохранились возвращенные в Австро-Венгрии украинофилы. Им еще долго не будет хватать массовой поддержки, их теоретики еще будут дорабатывать свои теории, но идейное ядро украинства было заложено.

Внутри австро-венгерской политической «колбы» на протяжении десятилетий австрийцы и поляки пестовали украинских идеологов для отрыва южнорусских территорий от России. Меняя язык, распространяя псевдонаучные изыскания об истории «украинцев», якобы на протяжении веков противостоявших Москве, они искусственно формировали антироссийский культур-

ный код. При этом в конструируемую украинскую общность был твердо внедрен ген насилия.

Результаты стали очевидны во время Второй мировой войны, налицо они и сегодня. Сконструировав украинство, австро-польские экспериментаторы создали антирусских русских, находящихся в тесных связях с европейцами, ненавидящих «москалей» и готовых на любые зверства для уничтожения своих врагов.

Первая мировая война. Русинские женщины уходят с насиженных мест вслед за отступающими из Галиции русскими. 1915

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян

Адрес редакции:

Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001

Тел. редакции: (495) 691-50-03

Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 2495-23

№ 544 (544) от 26.07.2023

Время подписания в печать:

по графику — 10:00,

фактическое — 10:00

Тираж 8 000, цена свободная